

АТМОСФЕРНЫЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР В ЛУЧШИХ ТРАДИЦИЯХ ЖАНРА

ТАЙЛЕР МЕРСЕР

ФЕНИКС ВЫХОД ИЗ СНА

БОЛЬ И СТРАХ. ОТЧАЯНИЕ. ВЫХОДА НЕТ.
ВСЕ ХОТЯТ ЛИШЬ ОДНОГО. ВИДЕТЬ ТЕБЯ В ПЕТЛЕ...
МЕРТВОГО...

18+

Тайлер Мерсер
Феникс: Выход из сна
Серия «Феникс», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=52004938

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-98285-7

Аннотация

Полиция смогла остановить монстра. Серийный убийца по имени Маркус Морлоу устраивал настоящие бесчинства, казня молодых женщин. От эпизода к эпизоду образ действий маньяка постоянно менялся. Неизменным оставалась лишь его ДНК на местах преступлений. Полицейским удалось загнать дьявола в угол. При аресте Морлоу получил серьезную травму головы и впал в глубокую кому.

Спустя много лет, преступник пришел в себя, напроочь забыв кто он. На мужчину обрушился целый мир, желая разорвать его на куски. Но Маркус не верит в то, что он был способен на подобные зверства. Он не помнит крови жертв на руках. А самое главное – он не чувствует в себе того зла, в котором все пытаются его обвинить.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	37
Глава 3	65
Глава 4	81
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Тайлер Мерсер

Феникс: Выход из сна

Посвящается моей дочери. Ева, когда ты станешь взрослой, надеюсь, ты прочитаешь эту книгу. И надеюсь, тебе понравится...

Пролог

Хмурая синева полной луны освещала лицо чернокожего бездомного. Раскуривая вялую самокрутку, мужчина пытался сосчитать в уме: сколько же ему удалось наскрести денег за прошедший вечер? Пять, десять долларов? Впрочем, на пару банок пива перед прохладным уличным сном должно хватить.

Послышались громкие шаги. Они гулким эхом доносились из кривого закутка между домами. Мужчина прислушался и вскоре увидел хрупкую босую женщину, идущую по грязным лужам.

Держась за огромный живот, она старалась выйти на свет. По ее лицу стекали красные струйки, до жути напоминавшие мироточение. Женщина робко вытянула руки вперед, пытаясь найти поддержку там, где была лишь пустота и холод.

Что она здесь делает? На каком она месяце? Наверняка ей рожать уже вот-вот.

Она была в белом платье и грязном платке, повязанном поверх седых волос. Бедняжка вся дрожала от холода. Учтивая, какая выдалась морозная ночь, бездомного всего аж передернуло.

Присмотревшись внимательнее, он заметил, что она довольно молода. Но почему ее волосы выглядят как парик пожилой дамы? Еще несколько шагов, и девушка рухнула на

колени перед обитателем ночных улиц, попутно сломав клуб дыма из его папиросы.

– Господи! – воскликнул бездомный. – С вами все в порядке?

На вопрос бродяги она не ответила. Проведя рукой по лицу, незнакомка еще сильнее размазала кровь. Именно кровь. Теперь мужчина отчетливо это увидел. Он не мог ошибиться: слишком часто его избивали в глухих подворотнях. Что такое кровь он знал не понаслышке.

– Вас ограбили? – спросил он.

– Прошу. Он идет за мной, он хочет забрать, – прошептала девушка.

– Что? Кто? – бездомный помог встать новой знакомой на трясущиеся ноги. – Кто вас преследует?

– Нельзя... Не могу... Невозможно...

– Чего нельзя? Я... Я не понимаю?

Он пытался разобрать ее слова, но девушка говорила тихо, сквозь плач. Смотря в испуганные до ужаса глаза, мужчина невольно проецировал ее страх на себя.

– Мне нельзя, – сказала она.

– Чего вам нельзя?

Буквально секунда и дрожь в ее теле сошла на нет. Внезапно незнакомка перестала шептать неразборчивые бредни. Вместо этого, она схватила бездомного за плечи и заглянула окровавленным лицом в его глаза:

– Мне нельзя говорить его имя!

Ощувив холод, промчавшийся от макушки до пяток, мужчина несколько секунд стоял в оцепенении. О ком она? Чье имя нельзя называть? Что, черт возьми, здесь вообще происходит?

– Он хочет забрать, – девушка положила кровавые ладони на выпирающий живот, оставив багровые пятна на грязном белом платье. – Он всегда забирает то, что принадлежит ему. Но я не могу... Просто не могу...

– Что?! – спросил бродяга. – Чего вы не можете?

– Я не могу позволить ему завершить круг.

– Круг?

Теперь бездомный испугался по-настоящему. Его трясло так сильно, словно температура на улице резко понизилась. Несмотря на то что перед ним стояла хрупкая девушка, не представляющая никакой опасности, он хотел очутиться где угодно, только не рядом с ней. Что-то в ее словах пугало до чертиков. То, с каким испуганным выражением она вглядывалась в его уставшее лицо, как отчаянно вцепилась в его одежду! – так сильно он не трусил уже очень давно.

– Пойдемте, – собравшись с духом, сказал мужчина. – Здесь недалеко есть церковь. Уверен, там вам помогут.

Обхватив бедняжку за плечи, он повел ее в сторону храма. Туда, где все страхи должны сойти на нет. Туда, где приходит успокоение.

Но что-то подсказывало: того, кто гонится за девушкой, это место вряд ли остановит.

Глава 1

Темнота... Абсолютная, всепоглощающая.

Она цепляется липкими пальцами за мое лицо, пытается заглянуть в самую глубь. В то место, где остались лишь страх и безнадежность. Упиваясь дрожью, тьма слизывает соленые слезы с моих холодных щек. Улыбается... Смеется надо мной, зная, что я целиком и полностью в ее власти.

Мне не выбраться. Все кончено. Отсюда не сбежать. Пути назад отрезаны звонким лезвием черного мастера. Двери заколочены на десятки гнилых досок: удары молотка до сих пор отражаются эхом от ледяных стен.

Я чувствую мерзкие капли. Они падают мне на голову, стекая по обнаженному телу. Оставляют мокрые линии на моей шее, груди, бедрах. Их путь продолжится, после того как они бросят меня одну. Затерявшись в густой тьме, проклятые капли забудут о моем существовании, словно предатели, покинувшие друга в беде.

Руки немеют так сильно, что я не ощущаю пальцев. Грубая веревка впивается в кожу со всей своей яростью. Я ничего не вижу, но догадываюсь: по моим предплечьям течет густая темная кровь оттого, что лопнула кожа.

Меня подвесили, как животное, оставив умирать во мраке.

Майкл Стоун делал это много раз. Он знал, что такое выходить под оглушающий гул толпы, готовясь отдать всего себя на потеху публике. Он провел долгую карьеру бойца, можно даже сказать: для кого-то Стоун был легендой. Но в этот воскресный вечер мужчина вновь испытывал страх, словно ему удалось вернуться на пятнадцать лет назад. Когда все впервые.

Дело заключалось в том, что сегодня он присутствовал здесь в качестве комментатора боев, а не участника кровавого побоища. Да, Майкл Стоун любил устроить зрелищную драку. Впрочем, за это его и обожали. Если бы не роковая случайность – автомобильная авария, из-за чего врачам пришлось отнять правую ногу бойца, – кто знает, сколько бы ему еще удавалось держаться на вершине «Олимпа»?

Постучав костяшками пальцев по протезу, спрятанному под черными брюками, Майкл сел за стол напротив октагона, и надел наушники с микрофоном. Секундой позже к нему присоединился Дилан Клаус. Человек, чей голос представлял бои в клетке на протяжении десятилетия. Он столько времени являлся комментатором промоушена, что стоило произнести мужчине любую фразу, и в голове обывателя сразу же всплывали кадры разбитых лиц и смертоносных бросков.

К сорока пяти годам Дилан стал настоящим мастером своего дела.

– Здравствуйте, Майкл, – присаживаясь на соседний стул, поздоровался Дилан. – Очень рад, что сегодня мне выдался шанс поработать с таким человеком, как вы.

В его словах не было лести. Он явно говорил от всего сердца: искренне, открыто. На секунду мандраж Майкла притух. Благородное лицо опытного комментатора располагало к себе, как ничто другое.

– Не волнуйтесь, – продолжил Дилан. – В первый раз я тоже чувствовал себя не в своей тарелке. Но, уверяю, это не страшнее, чем выходить туда! – он указал рукой в сторону клетки. – И каждую секунду рисковать жизнью.

– Думаю, вы правы, – выдохнул Майкл.

– Главное, расслабьтесь и получайте удовольствие от происходящего.

Следующие пятнадцать минут мужчины проверяли аппаратуру и настраивали звук, наблюдая за тем, как место будущего побоища приводят в порядок.

В зале был настоящий солдаут. Народу собралось столько, что даже в лучшие годы Майкл не мог похвастаться таким количеством зрителей. А в свое время его бои били рекорд за рекордом.

Удивительно, но все кардинально изменилось именно с ее приходом. Девушка, что в скором времени должна была зайти в клетку, стала настоящим богом для миллионов людей, собравшихся в зале и перед экраном телевизоров.

Крутя черный маркер между пальцами, Фрэнк Чейз пытался успокоиться. Он знал, что сегодня ее выступление. Знал, что в этот воскресный вечер его дочь вновь поставит все на кон. И это непустые слова! Каждый пропущенный удар мог оказаться последним. Одно неудачное падение и ее уже не вернуть. Он знал ее тайну...

Фрэнк не мог потерять ее снова. Только не после того, через что им пришлось пройти. Того, через что пришлось пройти ей.

Лежа на кровати в комнате небольшого мотеля, он нервно подкидывал вверх маркер, пытаясь сосчитать его обороты. Все что угодно, лишь бы не думать о предстоящем поединке его девочки. Как бы он хотел сейчас быть там, с ней! Держать дочку за руку. Дать ей понять, что ему не все равно. Что он любит ее!

Но вместо этого, пришлось оказаться черт знает где, гонясь за очередным психом, устраивающим кровавую резню.

Когда же это все подойдет к концу? Когда больные ублюдки вымрут, дав ему спокойно дожить свой век? Почему именно сегодня? Неужели зло не может подождать всего один вечер? Как только он ловит очередного монстра, на пороге тут же появляется новый.

Еще более ужасный...

Сколько раз у него опускались руки. Ведь как сильно ты ни стараешься, сколько сил и времени ни тратишь на их поимку – все равно гибнуть люди. Гибнут самой страшной из

смертей.

Поднявшись с кровати, Чейз подошел к стене, на которой были прибиты фотографии жертв. Пять женщин. Пять загубленных душ, что могли и дальше просыпаться с улыбкой на лице. Они мечтали, строили планы, надеялись на завтрашний день... Но в один злосчастный миг они встретили его. Зверя, решившего нести порок, злобу и смерть.

Смотря на тот ужас, устроенный убийцей, Чейз не мог понять: человек ли он вообще? Как можно сотворить подобную мерзость? Если ад есть, то этот демон именно оттуда.

Зазвонил телефон. Подойдя к журнальному столику с обшарпанными краями, Фрэнк схватил сотовый.

– Слушаю!

– Фрэнк, мы его нашли, – раздался женский голос в динамике. – Урод попался! Ты был прав.

Сжав мобильник до треска пластмассы, детектив прошептал:

– Говори адрес, где тебя забрать?

– Итак, дамы и господа! – провозгласил Дилан в микрофон. – Трехсотый турнир по смешанным единоборствам подходит к концу. Нам осталось посмотреть всего один бой. Но зато какой! Ведь я уверен, что именно ради него сейчас миллионы зрителей прильнули к экранам телевизора.

За прошедшие пару часов Майкл Стоун пообвыкся в качестве ведущего и уже чувствовал себя здесь рыбой в воде.

Действительно, комментировать бои не так сложно, как могло показаться на первый взгляд. Каждый раз, когда мужчина терял нить повествования, его коллега умело подхватывал бывшего бойца, давая товарищу возможность собраться с мыслями.

– Вы правы, Дилан, – поддержал соведущего Майкл. – Она настоящий феномен. Учитывая то, что ей пришлось пережить. Уже одно это является показателем ее храбрости и силы! Признаться честно, если бы на мою судьбу выпало нечто подобное, я бы давно сидел в психушке, под завязку накачанный антидепрессантами.

– Подписываюсь под каждым словом, Майкл.

Дилан набрал воздух в легкие, чтобы рассказать поистине фантастическую историю Джой Грин. Феникса! Бойца, в прямом и переносном смысле. Историю той, кто попал в ад. Историю человека, сумевшего заглянуть в глаза дьявола и не потерять душу.

Двери открылись, и зрители смогли увидеть девушку, идущую по трапу, размахивая руками из стороны в сторону. Ее тело скрывала черная мантия с красными узорами, чем-то отдаленно напоминающими пламя. Как только Джой вышла на свет, публика сорвалась с мест. Крик толпы был настолько оглушающий, что ведущие взяли паузу.

Вопреки клише, Феникс выходила без музыкального сопровождения. Без поддержки близких, что обычно топчутся рядом. Ее плечи не ощущали руку тренера, который своевре-

менно дает советы. Каждое появления чемпионки выглядело плевком в устоявшиеся стандарты подобных мероприятий. Но то, как громко ее приветствовала публика! – это нужно было слышать. Ажиотаж стоял, словно на футбольном поле, после решающего забитого гола.

– Джой Грин, – начал Дилан, – Феникс! Да что там говорить! Перед нами настоящий воин!

– Вы правы, коллега, – вмешался Майкл Стоун. – Де-вушка, пять лет назад похищенная самым страшным человеком современности. Та, кто сумела пережить издевательства. Ежесекундный страх гибели. Потерю последней надежды! Она оказалась в ситуации, когда обычный человек лучше выберет смерть, чем продолжит сопротивление.

Под гул толпы Джой шла к октагону, разминая руки. Ее лицо скрывал глубокий капюшон накидки. Но все присутствующие знали: в этой тени горит настоящее пламя. Огонь, что невозможно потушить.

– Пять лет назад, – продолжил Дилан, – Джой Грин вместе с ее подругой Линдси Локхарт похитили. Они прожили долгие месяцы в так называемой базе смерти. В том месте, где жизнь не значила абсолютно ничего. Месте, в котором больные подонки воплощали свои мерзкие желания. Воплощали в реальность самые дьявольские фантазии.

– Признаться, это очень страшно, – по голосу Майкла было слышно, как сильно он пытался оставаться хладнокровным. – Это дело прогремело на весь мир! Нет, вы только

представьте: тайная организация возвела настоящий замок, построенный для того, чтобы калечить, насиловать и убивать.

– Словно сценарий к фильму ужасов, Майкл.

– Полностью с вами согласен, Дилан. Кто знает, сколько бы еще людей погибло, если бы семнадцатилетней Джой не удалось сбежать. Жаль, Линдси не смогла сделать того же... Даже представить сложно, что творилось в душе Джой. Ведь ее лучшая подруга осталась там... погибать.

– Одному Богу известно, через что ей пришлось пройти в тех стенах. Как показывали в новостях, количество жертв насчитывало больше сотни. Очень многие люди, считавшиеся пропавшими без вести, оказались пленниками Архитектора. Именно так зовут человека, устроившего настоящую преисподнюю на нашей земле.

Зайдя в клетку, Джой скинула мантию, и толпа закричала еще громче. Всего двадцать два года, но посмотрев ей в глаза, наложил в штаны бы даже самый смелый.

Короткий топ скрывал небольшую женскую грудь, шорты плотно обтягивали крепкие ягодицы. Мускулы, спрятанные под смуглой кожей, переливающейся бликами пота, завораживали! Узоры татуировок на руках и ногах. Каждый зритель в переполненном зале был очарован внешностью Джой Грин. Она выглядела скульптурой, высеченной из камня, кистью величайшего мастера.

Но не рельефные женские мускулы, изящные рисунки и

та грация, с которой она передвигалась по октагону, были ее визитной карточкой: все самое сокровенное заключалось во взгляде. Смотря в глаза Феникса, каждый зритель мог воочию ощутить их глубину и холод. В ее глазах пряталась настоящая бездна, готовая утянуть без остатка.

Нет, Джой Грин не была красавицей. Ее короткая прическа, черные волосы, сеченые скулы и мальчишеская фигура всегда выделяли девушку из толпы не самым лучшим образом. Но посмотреть в лицо Феникса, и остаться равнодушным... этого не удавалось никому.

Если бы она захотела, то взяла бы мир за горло и поставила перед собой на колени.

– Самое интересное, Майкл, – Дилан, не отрываясь, смотрел за тем, как Джой наносит удары по воздуху, готовясь к предстоящему поединку, – что о ней написана куча книг. Сняты бесчисленные документальные фильмы. Но кто такая Джой Грин, кто она по-настоящему! Об этом не знает никто.

– Вы правы. Грин никогда не дает интервью. Никто не ведает, где она занимается, кто ее тренирует и есть ли у нее вообще тренер. Она настолько загадка, что этим подкупает еще сильнее. Единственный известный нам факт: ее отец, как и дедушка, бывшие боксеры. И именно дедушка привил девочке любовь к боевым искусствам с раннего детства. Возможно, это и помогло ей остаться в живых в тех мрачных стенах.

– Майкл, а вы в курсе, что ей предлагали семизначную

сумму за то, чтобы она сама рассказала свою историю. Ведь судьба Феникса, это одна из самых обсуждаемых тем на повестке дня. До сих пор! Хотя прошло уже пять лет.

– Я об этом слышал, Дилан. А еще я слышал, что человека, предложившего столь баснословные деньги, после подобной выходки увезли в больницу с переломом челюсти.

– Видимо, есть вещи, о которых невозможно рассказать. Никому, никогда и ни за что...

Ринг-анонсер торжественно объявил Джой и ее соперницу; тридцатилетнюю бразильянку, приехавшую отобрать чемпионский пояс в легком весе. Женщина выглядела скалой. Уверенной в себе. Крепкой и сильной. Но когда взгляды двух противников встретились, Майкл Стоун заметил, как на мгновение у нее дрогнули колени. Никто не мог противостоять Джой на психологическом уровне. Нечто подобное делал Майк Тайсон, ломая оппонентов до того, как его кулак достигал цели.

– Пятая защита титула! – воодушевленно сказал Дилан.

– Никому прежде не удавалось так долго удерживать пояс.

– Но даже не это главное. То, с какой легкостью ей все удается.

– Именно, Дилан. Каждый раз наблюдать за тем, как она двигается в ринге... это сродни наблюдению за работой художника.

– Да, Майкл, словно искусство.

– Пускай жестокое. Чаше всего даже кровавое. Но все же

искусство!

Ведущий представил бойцов. Рефери рассказал правила поединка. Девушки пожали руки и разошлись по сторонам. Бразильянка дышала очень глубоко и часто, явно настраиваясь. Старалась закачать как можно больше кислорода в мышцы. Джой же стояла спокойно, если не сказать отрешенно. Но в этом спокойствии заключалась ее сила. Никто и никогда не видел ее на эмоциях. Каждую секунду она оставалась сфокусированной на чем-то своем. Никто не знал, что творится в голове у той, кто совершил побег из ада.

Никто...

– Бой! – крикнул рефери.

Соперница Джой завладела центром клетки. Всего на мгновение, но Феникс позволила себе улыбнуться. А дальше началось то, за что ее полюбил весь мир!

Крепко обхватив руль автомобиля, Чейз уставился на вододушевленное лицо напарницы. Саманта Гомес смотрела на ночное небо через открытое окно. Сорокалетняя женщина с засаленными волосами и мешками под глазами улыбалась впервые за много недель.

С тех пор как Чейза и Гомес поставили на расследование дела Маркуса Морлоу, полицейским едва ли удавалось принять душ. Серийный убийца действовал на редкость целеустремленно и динамично. Пять жертв за полтора месяца. Такой малый промежуток времени между эпизодами просто

выбил полицию из колеи. После первого убийства никто не ожидал, что преступник сразу же возьмется за второе. Словно он торопился что-то завершить. Закончить свой большой ритуал, поставленный в самые кратчайшие сроки.

– Опергруппа уже окружила здание. Наши ребята готовы прищучить гада, – Гомес торжественно достала из смятой пачки одну сигарету и поднесла к тонким губам.

– Значит, не зря мы торчали столько времени в этой дыре, посменно дежуря в засаде.

– Да, Фрэнк, ты был прав, когда решил, что следующая атака будет в этом районе. Козлина, действительно, рисовал круг на карте.

Отмахнувшись от дыма напарницы, Чейз провел рукой по черным волосам с густой проседью на висках. Глубокие морщины на его уставшем лице в зеркале заднего вида говорили о том, что пора бы завязать с жизнью ищейки. Даже после того, как он бросил пить пять лет назад, сил и бодрости не прибавилось. Еще пара годков и с таким темпом крышка гроба захлопнется над головой уже у него.

– Чувствую себя развалиной, – сказал Чейз.

– Хах, – напарница поперхнулась дымом и выкинула сигарету в окно. – Посмотри на меня, дедуля. Из-за этого дела я забыла, что такое зеркало. Уверена, нормальный мужик решит лучше проблеваться, чем трахнуть меня.

– Не будь к себе настолько строга. Если прикрыть нос рукой, то...

– Захлопнись!

Салон автомобиля заполнил хохот старых коллег. Давно они так не смеялись. Морлоу держал в ужасе весь город. Каждого его жителя. Хоть полиция и не распространялась о ходе расследования, но раз от раза находился умелец, сливающий информацию; причем в самый неподходящий момент. Репортеры, подобно акулам, учуяв малейшую каплю крови, бросались на копов, в итоге перевирая слова служителей правопорядка в своих статьях. Мэр заседал на комиссара, тот, в свою очередь, требовал результатов. Но кроме имени преступника у детективов ничего не было.

До сегодняшнего дня.

– Ты не задавался вопросом, – Саманта закрыла окно, – почему Морлоу никогда не заботился о своей ДНК. Частички кожи, сперма, волосы на местах убийств. Но в то же время мы ни разу не обнаружили ни одного отпечатка пальцев?

– Кто знает, что у этого психа на уме. Может, у него сто-як до потолка только когда он в перчатках, – до места засады оставалось всего пара сотен метров. Чувствуя приближение к заветной цели, Чейз глубоко выдохнул. – Послушай, Саманта, я видел много долбанутых отмороzków. Но могу с точностью сказать: Маркус Морлоу самый чокнутый. Пять эпизодов. Пять разных жертв. Чернокожие, белые, азиатки. Богатые, бедные! Кроме того, что они женщины, ничего об-щего.

– Это большая редкость. Обычно серийники охотятся за

каким-то определенным типом.

– Именно. А учитывая то, что он нападал на свои жертвы в самых разных окрестностях города, говорит о его полном бесстрашии. Всегда проще убивать на той территории, где ты хорошо ориентируешься. В случае провала можно подготовить пути отхода. Смыться через лазейки, известные лишь тебе.

– Или же он отлично знает город целиком, – парировала Гомес.

– Каждый вонючий закоулок Глум Сити? Не смейся старика. Я прожил целую жизнь в этой помойке, совал рожу в те дырки, о которых даже подумать сложно. И то, я уверен, есть еще куча нор, куда меня не заносило волей случая... – секунду помолчав, Чейз добавил: – Но не территории удивляют больше всего.

– Его образ действий. *Modus operandi*.

– В точку. Каждое убийство проходило по совершенно иному сценарию. Пять девушек убиты чудовищно. С этим не поспоришь. Но все абсолютно по-разному. С одной жертвы он срывает живьем кожу, обколов ее обезболивающими и поставив рядом зеркало, чтобы она могла смотреть на то, как ее тело уродуют.

– Бедняжка умерла от разрыва сердца, – на мгновение Гомес прикрыла глаза, пытаясь прогнать образ из памяти.

– В следующий раз Морлоу превращает девушку в настоящую куклу. Место преступления вылизано так тщательно,

что даже клининговая компания не справилась бы лучше. Единственный мазок убийцы, это вырезанные глаза и кровавые подтеки на белом лице покойной. Затем, он вновь меняется: убивает, словно животное. Тело растерзано. Кишки разбросаны по всей комнате.

– Даже не вспоминай, – Саманта невольно прикрыла нос рукой. – До сих пор запах стоит в ноздрах.

– Какое-то безумие, не иначе. Зачем все это? Зачем такие кардинальные смены действий? Он постоянно менялся. Что оставалось неизменным, так это его ДНК. Только представь, если бы он убивал раз в год, и не оставлял следов. Да мы бы в жизни не связали дела...

– Приехали, – торжественно сказала Гомес.

Фрэнк припарковался возле переполненного мусорного бака, скрипом тормозов потревожив сон бездомных кошек. Группа захвата была наготове. Бравые ребята спецназа ожидали в темном фургоне, в пятидесяти метрах от детективов. По рации передали, что все ждут приказа на штурм здания.

Заброшенная швейная фабрика. Место как нельзя кстати.

Десять лет назад Морлоу отсидел год за драку в баре. Он сломал руку парню, заступившись за девушку. Увы, пострадавший оказался сыном политического деятеля Глум Сити. Отец позаботился о том, чтобы Морлоу загремел за решетку.

В двадцать лет Маркус Морлоу остался один на один в камере с самым жестоким заключенным блока «В». Остальное – история... Что творилось с парнем на протяжении всего

срока, никому не известно. По большому счету всем было плевать. Он не первый и не последний герой, которого судьба нагнула в неприятную позу.

Благодаря этому, полиция располагала ДНК преступника. После первого эпизода его имя сразу же всплыло в базе. Все знали кто убийца, но где он и как выглядит сейчас, спустя годы, это оставалось загадкой. Отмотав срок, Морлоу исчез с радаров. Ни новых фотографии, ни социальных сетей. Ни кредитных карт, ни места постоянной прописки. Для системы Маркус просто испарился. Чем он занимался все это время? – тайна, покрытая мраком. На протяжении десятилетия никто не видел Маркуса Морлоу...

До сегодняшнего вечера.

Благодаря смекалке детектива Чейза, полиция просчитала следующее место его преступления. Долгие дни, всматриваясь в карту, Фрэнк пытался понять: где будет нанесен очередной удар? Понадобилось слишком много смертей, чтобы картинка сложилась...

На пятом убийстве стало ясно, что Морлоу рисует круг. И он точно не остановится, пока не завершит его. Заброшенная фабрика как раз попадала под траекторию следующего шага безумца. Безлюдное место. Мрачная пугающая атмосфера – все как любит посланник смерти...

После недели наблюдения Морлоу засекли. За прошедшие десять лет мужчина, безусловно, изменился, но то, что это он, сомнений не было.

Надев бронжилеты, полицейские присоединились к команде спецназначения. Снайпер с крыши соседнего здания передал о движении в окнах фабрики. Морлоу внутри.

– Детектив, – к Чейзу обратился один из бойцов группы. – Все наши парни готовы. Нам не терпится нашпиговать уroda свинцом. После его кровавого похода, думаю, он заслужил.

– Поверь, – Чейз перезарядил пистолет и похлопал по плечу бравого вояку. – Мы все этого хотим.

– Фрэнк! – вмешалась Гомес. – Не забывай, ты полицейский, а не палач.

Наградив напарницу тяжелым взглядом, Фрэнк сказал:

– Вы слышали даму, – детектив двинулся в сторону фабрики. – Берем мерзавца живьем, чтоб его! Стрелять только в крайнем случае. Он, конечно, монстр, но против отряда обученных силовиков, даже самый жуткий монстр должен превратиться в испуганную мышь. Давайте, парни. Сделаем это.

Под оглушающий вой толпы Джой бросилась на соперницу, обрушив на нее град ударов. Кулаки достигали цели с такой хлесткостью, что звук отчетливо влетал в уши комментаторов. Майкл Стоун наблюдал за избиением с широко раскрытыми глазами. Он прекрасно знал, что значит оказаться в ситуации, когда опытный боец решил снести тебя с пути, и плевать, если для этого ему придется тебя убить. В это мгновение главное – победа, остальное мелочи...

Хоть Джой и работала в клетке с холодной головой, все

свои атаки продумывая заранее, но то с какой методичностью она разбивала лицо бразильянки! – шоу было точно не для слабонервных. Именно своей жестокостью в схватках Феникс подкупала публику так сильно. Каждое ее выступление трогало струны души. Пускай и не самые добрые... Народ всегда требовал хлеба и зрелищ, и этого у Джой Грин было навалом. Никто другой не умел так искусно уродовать физиономии людей напротив.

– Просто какое-то безумие, – глядя на одностороннее избивание, Дилан пытался подобрать нужные слова. – Как после стольких увечий, она может продолжать? И почему врач не останавливает поединок?

– Вы правы, Дилан. Рассечения на лице очень серьезные. Но, это титульный бой. Многие осуждают Джой за излишнюю жестокость в октагоне. Там, где все можно закончить одним ударом, Феникс специально растягивает побоище. Хоть по ее лицу этого не видно, но знаете, что я вам скажу! Мне кажется, наша чемпионка – настоящая садистка, – секунду помолчав, Майкл добавил: – Нет, вы только гляньте на это! Хватит одного попадания, и все. Но нет же. Джой намеренно калечит ее!

Толпа кричала все громче и громче. Брызги крови разлетались в разные стороны, пока соперница Феникса пыталась устоять на ногах. С бровей бразильянки ручьями текли багровые струи. Девушка держалась на одном характере. Шансов на победу не было никаких.

– Да, Майкл, сегодня Феникс превзошла себя. После такого кровавого поединка о ней станут говорить еще больше.

– Как знать, Дилан. Возможно, за маской отрешенности и безразличия всегда пряталось нечто большее. Возможно, именно этого она и хочет... Пойдите, что за?

Гул в зале стих. Все смотрели на происходящее, не отрывая глаз. Невероятно! Она просто остановилась. Джой Грин, что еще секунду назад пыталась убить соперницу, взяла и замерла. Никто не понимал, что все это значит.

Феникс просто застыла...

– Какого черта? – не удержался Дилан.

Без единого движения, Джой смотрела в одну точку, что-то неразборчиво бормоча. Свет падал на ее мускулы, налитые кровью. Короткие волосы выглядели растрепанными. Она все еще оставалась в боевой стойке, но дух бойца куда-то выветрился. Впервые в жизни зрители увидели страх на лице своей героини.

Джой Грин – та, кому удалось сбежать из лап самой смерти, та, кто сумела пересилить себя и из жертвы превратиться в охотника! – сейчас она буквально тряслась от ужаса.

– Что она шепчет? – спросил Дилан.

– Я могу ошибаться, но, мне кажется, это слово "Прости".

Несколько секунд никто не понимал, что произошло. Все выглядело так, словно время остановилось. Зверь, мгновение назад разрывающий жертву на куски, превратился в испуганную дичь.

Бразильянка не стала долго думать: собрав последние силы, девушка с размаха впечатала кулак в голову чемпионки. Толпа ахнула. Казалось, из легких выбили воздух одним ударом. Атака вышла настолько сильной, что после попадания бровь Джой рассклась надвое. Кровь фонтаном брызнула на настил, оставив уродливую кляксу в виде корявой звезды. Феникс рухнула навзничь, мгновенно потеряв сознание. Девушка распласталась в центре клетки, словно труп.

Не веря, что все это происходит взаправду, никто ничего не делал. Люди стояли с открытыми ртами, в то время как нужно было действовать. Осознав случившееся, бразильянка первая подбежала к Джой и перевернула ее набок, не давая языку запасть в горло. Секундами позже к ней присоединились врачи.

– Вот это да...

– Признаться честно, Дилан, – Майкл вытирал пот с лица первыми попавшимся салфетками со стола, – такого я не ожидал.

– Никто не ожидал.

Пока врачи пытались привести в чувства народную любимицу, все застыли в недоумении. Кто-то хватался за сердце, другие вытирали слезы; настолько Феникс была близка местной публике. А судя по тому, что даже несколько врачей не могли помочь Джой прийти в себя, становилось ясно: удар был чудовищный, и после подобной травмы могло случиться все что угодно...

– Неужели, это конец? – спросил Дилан.

– Не уверен, – Майкл Стоун пытался мысленно разобраться в случившемся. – Даже если она встанет на ноги, то чисто психологически оправиться от подобного очень сложно.

– Вы думаете, что это конец карьеры Феникса?

– Не будем загадывать, Дилан. Эта девушка – настоящий боец. Никто не знает, что случилось в клетке. Почему она застыла? Что могло испугать человека, который видел истинное зло? – Помолчав немного, Майкл завершил мысль: – Но то, что Джой Грин способна удивлять... в этом сомневаться точно не нужно.

Аккуратно переложив пострадавшую на носилки, медики вынесли ее из клетки. Бразильянка завоевала пояс. У нее брали интервью после боя, но всем было плевать. Никто не слушал слов победительницы. Затаив дыхание, зрители смотрели на бездыханную Джой. На ее окровавленные руки, свисающие с носилок. Смотрели на красные капли, что падали на пол, оставляя следы. Смотрели на ту линию крови, которая вела за собой. Линию, которая словно приглашала войти в мир боли и страданий.

В мир Джой Грин.

Отряд спецназа передвигался небольшими группами по четыре человека. Нужно действовать с умом. Нельзя упустить ни единой мелочи. Каждый выход, каждое окно. Морлоу не должен уйти. За полтора месяца он сумел обречь на

смерть пять жертв.

Слишком много, чтобы быть правдой...

Стальные лестницы, покрытые ржавчиной и пылью, издавали тягуче скрипы от ботинок полицейских. Грязный бетонный пол с кучей мусора и прочими отходами выглядел помойкой. Вонь стояла невыносимая. Неудивительно, что сквоттеры давно забросили это место. Прятаться в такой дыре мог только самый настоящий псих.

Разбитые стекла по всему зданию дышали холодным сквозняком. Через огромную дыру в крыше светила луна, озаряя многообразие мерзости внутри фабрики. Трупы мертвых крыс добавляли колорита. От этого места мороз шел по коже. словно оно было специально создано для такого монстра, как Маркус Морлоу.

Чейз замыкал четверку, крепко обхватив рукоять "Глока". Гомес пошла с другой группой. Они заходили с задней части фабрики, чтобы в случае побега преступника перегородить ему выход.

Фрэнк знал, что Морлоу всего лишь человек, он, как и все, состоит из крови, мяса и костей. Но потайной страх, спрятавшийся глубоко внутри, никак не отпускал. Видимо, труды маньяка повлияли на психику детектива куда сильнее, чем он мог подумать. Каждый раз, закрывая глаза, Чейз видел растерзанные тела пяти девушек. Чувствовал их предсмертную агонию. Ощущал их холодную беспомощность перед лицом смерти.

– Парни, – Фрэнк тихо обратился к спецназовцам. – Плевать, что сказала Гомес. Живым этот урод выйти не должен. Не хватало, чтобы ублюдок сослался на неувменяемость и прожил остатки дней в уютной палате, попивая веселые таблетки из рук милой медсестры.

– Полностью поддерживаю, – ответил один из отряда.

– Прикончим мерзавца, – подтвердил коллега.

По рации передали, что подозреваемого заметили на верхнем этаже. Наверное, Морлоу обнаружил засаду и пытался скрыться через крышу.

– Без моей команды не стрелять, – раздался в рации голос командира группы.

Смахивая пыль со ржавых перил, четверка вооруженных мужчин начала подниматься по лестнице. Лунный свет бил по глазам. Этой ночью небо выдалось на редкость чистым. Тысячи мерцающих звезд так и просили, чтобы на них посмотрели.

Как только Фрэнк поднялся за товарищами на крышу здания, он сразу же увидел его. Трое вооруженных людей держали на мушке человека в грязном пальто. Длинные волосы скрывали угловатое лицо безумца. Мужчина стоял на карнизе, выставив перед собой руки. С первого взгляда могло показаться, что он напуган, но что-то подсказывало: демоны вроде Маркуса Морлоу не знают страха. Им неведома эта эмоция. Они прекрасно считывают страх с других людей. Можно даже сказать, питаются им. Но испытывать страх са-

мим? – вряд ли.

Смотря на то, как убийца корчит из себя жертву, Фрэнк пришел в бешенство.

– Пожалуйста, не стреляйте, – сказал преступник.

Обычный голос заурядного человека. Неужели это тот самый монстр, сумевший вогнать в панику весь город?

Под полами пальто, Маркус был одет в грязные джинсы и высокие ботинки. Обнаженный торс выглядел рельефным камнем. Ни капли жира, только небольшие мускулы и связки. Странно, но Чейз мог сравнить его с гепардом: хищником, чье тело идеально подходит для охоты.

– Прошу вас, – Морлоу размахивал руками перед дулами автоматов, словно совершал некий обряд. – Вы просто не понимаете. Круг! Все дело в нем!

Фрэнк вслушивался в ноты его голоса, пытаясь разобраться, что он несет. По всем показателям Морлоу выглядел, как настоящий безумец. Спутанные волосы, прячущие лицо. Развевающийся на ветру подол пальто. Руки в шерстяных перчатках с обрезанными пальцами тряслись, как у паралитика. Мужчина стоял на самом краю крыши трехэтажного здания, балансируя телом на бетонном карнизе.

– Детектив, мы готовы, – сказал один из отряда, демонстративно щелкнув затвором оружия.

От резкого звука самый разыскиваемый преступник чуть было не потерял равновесие. На секунду Чейз пожалел, что Морлоу не свалился вниз. Меньше хлопот. Несчастное сте-

чение обстоятельств, и дело с концом.

– Так что, детектив? Как поступим? Мне кажется, он собирается что-то достать из кармана, – недвусмысленно намекнул спецназовец.

Боец сделал шаг навстречу убийце: красная точка лазерного прицела исполнила танец на лбу Маркуса. Лицо спецназовца скрывала черная маска. Мужчина ждал малейшей возможности, чтобы нажать на спуск. Любой намек на сопротивление, – и он без зазрения совести выпустит обойму в бледную грудь задержанного.

– Вы не понимаете, – шептал Маркус. – Круг. Все дело в нем.

– О чем ты, черт возьми, говоришь? – крикнул Чейз.

Ситуация накалялась. Еще минута и на крышу поднимется Гомес с сержантом. Если они решили раз и навсегда убрать ублюдка из своих жизней, то делать это нужно прямо сейчас.

– Детектив, – настойчиво сказал солдат. – Повторяю, мне кажется, он хочет что-то вытащить из кармана.

Чейз видел, как дрожит его палец на спусковом крючке. Двое других спецназовцев выглядели так же. Стая загнала дичь в угол! Остался последний прыжок. Но Морлоу не давал ни единого шанса на его легальное устройство.

– Мать вашу, Чейз! – закричал вояка. – Это ничтожество убило пять девушек! Пять растерзанных тел. Пять матерей, чьих-то дочерей... сестер. Вы сами говорили, что гад недо-

стоин уютной палаты. Не время давать заднюю! Одно слово и...

– Детектив, – голос Морлоу изменился. Стал холодным и грубым. Напускная робость и страх ушли. – Примите своего демона. Отдайте приказ. Ведь вы считаете меня монстром. Виновным. Тем, кто не заслуживает жить.

– Заткнись, гнида!

Чейз вышел из-за спин спецназовцев и встал прямо перед Морлоу. "Глок" уперся в лоб преступника. Фрэнк хотел разглядеть хоть что-то в глазах убийцы, но Маркус закрыл веки, спрятав взгляд. Расставив руки в стороны, он скинул пальто. Тонкая кожа мужчины, покрытая мелкими царапинами и шрамами, выглядела как иссушенная шкура змеи. От него несло самой смертью.

– Только дернись, – скрипя зубами, прошипел Чейз.

Морлоу завел руки за голову и демонстративно встал на колени. Теперь это настоящая казнь. Если Фрэнк спустит курок, то назад дороги не будет. Он раз и навсегда перейдет черту.

– Чейз, всадите ублюдку пулю в башку, и дело с концом! Семьи жертв этого достойны. Никому не нужны масштабные судебные разбирательства.

Хоть ночка и выдалась довольно морозная, но лицо детектива обливалось потом. Впервые в жизни перед ним был такой сложный выбор. Продать душу дьяволу и убить демона, либо же дать слабину и позволить настоящему злу и даль-

ше продолжить разгуливать по земле. А Маркус Морлоу был именно злом. Истинным! Первозданным! Вылезшим из самых темных глубин преисподней.

– Фрэнк! – из-за спины раздался голос Гомес. – Не смей, слышишь! Ты не палач! Все кончено, мы взяли его. Козлина попался. Брось оружие.

Склонившийся маньяк выглядел совершенно безучастным. Он стоял на коленях, со скрещенными руками за головой, не оказывая никакого сопротивления. Дуло дрожало возле лица убийцы, выдавая растерянность Чейза.

– Фрэнк, послушай... Случилось еще кое-что.

Чейз повернулся и посмотрел на напарницу:

– В чем дело?

– Джой, – Гомес явно хотела сказать новость как-то помягче, но, видимо, в силу привычки вывалила напрямик. – Джой при смерти, Фрэнк. После сегодняшнего поединка. Врачи говорят, что она может не выкарабкаться. Ты ей нужен...

– Господи.

Выронив пистолет, Чейз побежал к лестнице. Как только детектив ушел с линии атаки, Маркус Морлоу выставил перед собой руки, пытаясь что-то сказать, но в него тут же влетело несколько пуль. Автомат спецназовца нарушил тишину тремя громкими хлопками.

От попаданий снарядов преступник перевалился через карниз и рухнул вниз. С высоты трехэтажного здания он при-

землился прямо на асфальт. Под ярким светом луны кровь Маркуса Морлоу, вытекающая из-под тела, выглядела черной и вязкой. Словно он действительно был настоящим чудовищем, а не человеком.

Годами ранее.

Сидя на небольшом деревянном стуле, мальчик рисовал красный круг на вырванном листе бумаги. Маркер закрашивал геометрическую фигуру, превращая ее в подобие неровной кляксы. Взяв другой фломастер черного цвета, ребенок задумался, грызя колпачок. Он никак не решался на следующий шаг. Нужно перейти ко второму этапу, но как это сделать правильно? Как лучше передать то, что он хочет?

– Маркус, – прозвучал звонкий голос за спиной мальчика.

Дверь кабинета открылась и в него вошла женщина небольшого роста с милой улыбкой на лице.

– Извини, что оставила тебя одного.

Сдув челку с лица и поправив свободное платье с именовым бейджиком «Оливии Уэллс», женщина обошла стол и села в кресло. От ее веса кожзаменитель затрещал. Маркус всегда ненавидел этот звук. Словно вилку воткнули в мозг и начали проворачивать. В последнее время Оливия изрядно поправилась, и некоторые знакомые Маркуса подшучивали, что вскоре Миссис Уэллс в излюбленное кресло и вовсе не влезет.

Из-за своей дотошности Оливия многим детям не нрави-

лась. Для особо скрытных поход в ее кабинет был хуже трепки от старших ребят. Все заключалось в том, что она могла залезть под ребра кому угодно. Оливия являлась отличным детским психологом, а как все знают, открывать свои тайны посторонним не любит никто.

– Как ты тут? Смотрю, рисуешь?

Маркус прикрыл рисунок рукой, продолжая грызть колпачок фломастера. С приходом Оливии его словно осенило, и он принялся рисовать очень быстро размашистыми линиями: так, будто мог не успеть закончить начатое изображение.

Краем глаза Маркус видел, как психолог смотрит на его лицо, шелковистые русые волосы, на то, как он усердно доносит фантазию на белый лист. В этот короткий миг Маркус пытался казаться нормальным мальчиком, увлеченным простыми детскими забавами. Тем, кто после разговора со взрослой тетей, вернется к друзьям и продолжит играть во дворе. Маленьким Маркусом, у которого вся жизнь впереди.

Но через секунду этот миг прошел. Морлоу убрал руку от рисунка. Оливия взглянула на то, что в итоге вышло: красный круг, похожий на кляксу, в чьем центре лежал карикатурный человек с длинными волосами...

Глава 2

Удар по лицу. Еще один. Еще.

Тяжелые веки поднимаются, но лишь для того, чтобы я вновь увидела тьму.

Теперь я не одна. Я чувствую это. Кто-то стоит совсем рядом, обжигая мою ледяную кожу горячим дыханием. Он хищник. Настоящий. Тот, кто получает удовольствие, наблюдая за муками добычи. Ему нравится видеть предсмертную агонию жертвы. Он наслаждается процессом. Испытывает невообразимое чувство эйфории.

Звук лезвия. Такой резкий, острый! – словно опасной бритвой полоснули по лицу. Я знаю, это конец. Финал моей книги. Титры в заключении фильма загубленной жизни. Успокаивает лишь то, что скоро уйдет боль. Отступит холод. Исчезнет страх, ставший близким приятелем. Темнота заберет испуганную девочку окончательно и без остатка. Целиком.

Сталь касается бедер. Целует изгибы спины. Ласкает плечи, оставляя небольшие порезы на коже. Мне хочется кричать в голос, но сил совсем нет. Я просто болтаюсь на ржавом крюке в ожидании смерти.

Давай же! Сделай это! Оборви мои страдания последним ударом!

Но лезвие предательски молчит. Я по-прежнему жива.

До сих пор здесь. В этой холодной темнице, брошенная всеми. Наедине с тьмой, которая своими липкими щупальцами цепляется за мое лицо.

Шорох за спиной. Я чувствую движение: кто-то перерезал веревку, и теперь я падаю. В бесконечность. В самую настоящую пустоту, окутанную черной неизвестностью...

Десять лет спустя.

Надев очки "Рей Бен", спрятав под ними зеленые глаза и шрам, рассекающий бровь, Джой внимательно наблюдала за происходящим на улице. Она сидела в самой неприметной машине отдела по борьбе с бандитизмом, слушая неумные речи напарника. Джерри Диккенс был милостивым красавчиком, работавшим в команде не один год, но его несмолкающий рот мог довести до ручки любого.

Поправив прическу, щедро смазанную гелем, он посмотрел на Джой:

– Феникс, ты не поверишь, с кем я вчера устраивал партер всю ночь, – на секунду усомнившись, он добавил: – Я же правильно сказал? Это ведь так называется?

Джой даже не удостоила парня взглядом. Ее интерес был целиком и полностью сфокусирован на небольшом ресторанчике через дорогу от их автомобиля.

– Я про то, когда борьба... внизу... ну, в общем, ты поняла, – лепетал Джерри. – Ладно, забей. Неважно! Главное, что моим партнером в ночном марафоне была, ты не поверишь

кто...

– Он здесь, – сухо сказала Джой.

Спрятав короткие черные волосы под капюшоном кожаной куртки, она вышла из машины. Джой передала по радиации остальным, что цель появилась в зоне видимости.

– Повторяю, Колин Фэрроу подходит к мышеловке. Как поняли?

– Принято, – прозвучал шипящий ответ.

Мышеловкой Джой называла ту самую забегаловку, рядом с которой они устроили облаву. В груди что-то екнуло. Где-то глубоко внутри проснулся хищник. Охотник, чья задача состояла в одном: догнать и растерзать жертву. Плевать, насколько сложна или невыполнима поставленная цель, главное – добиться своего.

Колин Фэрроу являл собой большую глыбу мускулов и тестостерона. Темнокожий мужчина немного за тридцать с наголо бритой головой шел по тротуару, внимательно смотря по сторонам. Он выглядел по-настоящему огромным. Неудивительно, что в этом районе парня боялся каждый второй. А учитывая слухи, преувеличенные подельниками гангстера, люди старались переходить дорогу, если на траектории их пути появлялся Фэрроу.

Поговаривали: он забил насмерть свою бывшую девушку, узнав о ее беременности. Якобы сучка обманула его, сказав, что принимала противозачаточные таблетки. Возможно, все это было неправдой. Но, смотря в кирпичное лицо Фэрроу,

утверждать никто бы не стал.

– Наконец-то, – Джерри похлопал себя по куртке, проверяя спрятанный в кобуре пистолет. Стоя за спиной напарницы, Диккенс окинул взглядом ее джинсы, обтягивающие небольшие, но крепкие ягодицы: – Долго же чувак скрывался в своей норе.

– Информатор не обманул, – сказала Джой.

– Еще бы! Особенно, после того как ты выбила из него все дерьмо. Черт, Феникс, тебе повезло, что я на короткой ноге с Ленни. Он почистил записи камеры в допросной. Если бы дошло до начальства, то даже твой всемогущий папаша бы не помог!

– И что, мне теперь подрочить тебе в туалете, Джерри? – в голосе Джой не было ни капли иронии. Она по-прежнему наблюдала за тем, как Фэрроу шел по улице. – Я сказала, спасибо. Не нужно напоминать о своем доблестном поступке, каждый раз, когда ты стоишь у меня за спиной и пялишься на мой зад.

На секунду Джерри поднял взгляд, проверить, нет ли у Джой глаз на затылке. Он хотел ретироваться, но тут Колин Фэрроу зашел в "мышеловку", громко хлопнув дверью.

Забегаловка располагалась в двухэтажном здании, на территории банды Фэрроу. Она принадлежала одному пожилому азиату по имени Стивен Ву. Небольшой мужчина из Поднебесной, после того как Фэрроу залег на дно – копы обложили его со всех сторон, – решил не платить взносы за так

называемую безопасность. К нему в гости приехали несколько бравых племянников и те собрались отбить бизнес дяди из лап пресловутых гангстеров. Такой подход к делу, естественно, Фэрроу не понравился. Это заставило громилу вылезти из норы и разобраться с зазнавшимся китайским говнюком самостоятельно.

А уж если за дело брался сам Колин Фэрроу, то брался он основательно. В кровавости методов главаря банды "Красных змей" сомневаться не стоило. Джой не думала, что у родственников Стивена Ву хватит духа сдюжить с таким отмоороженным гигантом как Фэрроу.

– Колосс в здании, готовимся, – передала по рации Джой.

– Колосс? – Джерри поднял бровь и улыбнулся.

– Джерри, – Джой достала пистолет и сняла оружие с предохранителя. – Надеюсь, ты получишь пулю в задницу.

– Ха-ха, очень смешно.

Перебежав улицу, Джой прислонилась к двери и украдкой заглянула внутрь через окно. Солнце светило в глаза. Пот тек по лицу. Но девушка оставалась все так же холодна. Джой умела сконцентрироваться и отбросить посторонние мысли. Только финальная цель. Только победа.

Так было всегда.

Так будет и сейчас.

Смотря на спокойствие напарницы, Джерри сосредоточился на предстоящей операции. Поднеся рацию ко рту, он сказал:

– Так, ребята, мы заходим с главного входа. Если Колин ломанется к задней двери, то ловите парня тепленьким. Если нет, то заходите сами.

Блеск солнечных лучей отражался от его волос. Потной ладонью он обхватил рукоять пистолета. Сердце стучало барабаном в груди. Фэрроу настоящий псих и без боя точно не сдастся.

– Феникс, ты готова? – спросил Джерри.

– Словно название прокладок.

– Ничего себе, – усмехнулся Джерри. – А наша холодная королева умеет шутить?

Выбив дверь ногой, Джой забежала внутрь, собираясь загнать добычу в угол. Чертыхаясь, Джерри помчался за парницей.

Возможно, другие люди ощущали спокойствие и умиротворение в кабинете доктора Миллер, но только не Джой. Смотря на охристые стены и белую мягкую мебель, ей всегда становилось не по себе. Звук метронома, солнечные лучи через дизайнерские занавески на окнах: все это вызывало апатию. Она понимала, что каждая деталь, каждая мелочь интерьера предназначалась для того, чтобы расположить к себе клиента. Именно клиента. Доктор Миллер не называла своих посетителей таким грубым словом, как пациент. Для этого, говорила она, есть психиатры.

Обворожительная женщина около сорока, с длинными

волосами, в сером обтягивающем платье, всегда выглядела идеальной. Настолько, что, глядя на красоту Карины, Джой сомневалась: а так ли красива доктор Миллер внутри, как снаружи? Что творится в душе у человека с такой чарующей внешностью?

Джой знала о множестве поклонников психотерапевта. Каждый полицейский из участка, прошедший через ее кабинет, был навеки пленен красотой и обворожительностью доктора. Но ее фактурность, собранность и умение преподать себя с лучшей стороны: этими качествами Карина Миллер и отталкивала Джой.

В сравнении с ней – неказистой девушкой копом, с огромным шрамом на брови, Карина смотрелась настоящей богиней красоты. В итоге поход к психотерапевту, для такого социопата, как Джой, всегда был тем еще испытанием.

– Мисс Грин, – Карина подарила Джой одну из своих самых обворожительных улыбок. – Рада снова приветствовать вас.

На столь лестный выпад доктора Джой не ответила даже коротким кивком. Взявшись за кружку кофе, стоявшую на аккуратном стеклянном столе, девушка потянула ее на себя, издавая мерзкий скрип.

– Вы, как всегда, в своем репертуаре, мисс Грин. Не изменяете себе, верно?

– Вы же знаете, что все зовут меня Феникс. Ни к чему ваш официальный тон и фамильярность.

– Подскажите, Джой, в который раз у нас состоится этот разговор?

– Вам виднее, доктор. Это вы ведете записи. Для меня походы к психиатру не столь важны, чтобы запоминать их количество.

Сделав глубокий глоток, Джой бросила кружку обратно на стол, расплескав содержимое по стеклу. На лице Карины не дрогнул ни один мускул. Видимо, за все то время, что они знакомы, доктор Миллер привыкла к мелким выходкам своей клиентки.

– Я не психиатр, Джой. Я психотерапевт. Психиатры работают в специализированных клиниках и лечат больных, – секунду помолчав, Карина позволила себе колкость в адрес Джой: – Если только вы не считаете себя больной, мисс Грин? – Проследив за реакцией Джой, она продолжила: – Но, пока вы вновь не начали испытывать мое и ваше терпение, я скажу. Восьмой раз... Восьмой раз мы встречаемся по одному и тому же поводу.

– Доктор, чем раньше я выйду отсюда, тем раньше смогу вернуться к своим обязанностям.

– Точно. Ловить преступников.

– Не всем же сидеть в уютном кресле, и зарабатывать себе на жизнь ложкой, копошащейся в мозгах.

– Вы правы. Но в мою ответственность входит психическое состояние полицейских, применивших оружие на службе. Не каждый способен оправиться от подобного стресса по

щелчку пальца.

Вновь все заново. Порой Джой казалось, что доктор Миллер нарочно испытывает ее терпение, заводя этот разговор раз от раза.

– Позвольте спросить, мисс Грин, сколько вы служите в полиции?

– Вам прекрасно известно.

– Можно услышать ответ из ваших уст.

Незаметно для себя, Джой поерзала на кожаном кресле. Солнечный луч падал на ее шею, обогревая край татуировки, торчащий из-под футболки. Она всегда одевалась в удобные вещи: джинсы, ботинки, верх прикрыть легкой ветровкой. Плевать, что скажут окружающие. Главное – оставаться в полной боеготовности. Постоянно. Каждую секунду. Никогда не знаешь, откуда придет беда.

– Восемь лет, – ответила девушка.

– Восемь лет, – повторила Карина. – Скажите вот еще что: в каком случае ко мне в кабинет попадет полицейский?

Джой пригляделась. Она что, шутит? К чему все это?

– В том случае, если полицейскому пришлось применить табельное оружие. В случае если он побывал в перестрелке. В случае, если погиб его напарник.

– Ничего не забыли?

Карина поудобнее расположилась в кресле напротив. Уголки ее губ слегка приподнялись.

– В случае если полицейский убил человека, – сказала

Джой.

– И по какому из этих пунктов вы здесь, мисс Грин? – не дожидаясь ответа, Карина добавила: – В восьмой раз...

Все случилось очень быстро. Джой успела увернуться, Джерри оказался менее везучим. Как только полицейские ворвались в забегаловку, Фэрроу среагировал. Прекратив выбивать остатки зубов из престарелого азиата, он развернулся и наотмашь выстрелил из дробовика. Повезло, что ранним утром в помещении не было посетителей.

Одним лишь чудом Джой удалось вовремя нырнуть под ближайший стол. Она макушкой почувствовала свинцовые шарики, пролетевшие над головой. Край стола разлетелся в щепки: несколько заноз врезались в лицо. От резкой боли Джой стиснула зубы.

Рядом с ней грохнулся Джерри Диккенс. Держась за кровоточащий живот, парень кряхтел и сопел, пока Фэрроу продолжал стрелять. Музыкальный автомат, посуда, стулья! – все разнесло на куски. Забегаловка Стивена Ву в одно мгновение превратилась в место боевых действий.

Либо Фэрроу не спал ночами, тренируясь быстро перезаряжать оружие, либо его дробовик вмещал куда больше патронов.

– Да когда же у нашего ковбоя, без шляпы и лошади, кончится запал? – прохрипел Джерри.

Несмотря на пулю в брюхе, парень продолжал шутить.

Сквозь какофонию выстрелов Джой пыталась прислушаться. Задняя дверь открылась и Фэрроу пришлось вести войну уже с другими полицейскими. Звук дробовика смешался с хлопками "Глоков". Через несколько минут хаоса, орущий грохот смертоносных орудий стих.

Преступник прятался за барной стойкой, держа перед собой хозяина заведения. Высунувшись из-за укрытия, Джой увидела бордовое лицо Стивена Ву. Хрупкую шею старикашки сжимала крепкая рука гиганта. Широко раскрытые глаза с лопнувшими капиллярами на темном лице Фэрроу выглядели глазами вампира, готового вцепиться жертве в горло. Лысый череп пересекали вздувшиеся вены. От адреналина мужчину трясло. Но он не боялся. В этом Джой была уверена.

Он был в ярости!

– Заложил меня, сука узкоглазая? – рычал он на Стивена Ву.

– Успокойся, Колин! – раздался мужской голос.

Дик Бабино всегда отличался серьезным и грубым бари-тоном. В отделе по борьбе с бандами он работал дольше всех. Мужчина знал свое дело как никто другой. Он был одним из немногих людей, кого Джой по-настоящему уважала. Когда она попала к ним в подразделение, Дик помог ей освоиться, и на протяжении службы делился опытом. Кому если не ему вести переговоры с отороженным убийцей?

– Мужик! – крикнул Бабино. – Ты же знаешь, что не вы-

берешься отсюда. Ты попался. Капкан захлопнут. Не стоит усугублять свое положение. Ты стрелял в полицейских. А это очень плохо, Колин. Джой, как там Джерри? Я видел, в него попали.

Посмотрев на рану напарника, Джой ответила:

– Жить будет! Но какое-то время придется срать под себя!

– Да ты сегодня в ударе, – простонал Джерри.

Джой пыталась прицелиться, но голова Фэрроу ловко скрывалась за стариком. Окровавленное лицо Стивена Ву выглядело так, словно по нему пару раз приложились бейсбольной битой. Но он продолжал медленно моргать, а значит, оставался жив.

– Хватит крови, Колин. Все кончено. Отпусти заложника и выходи с поднятыми руками, – сказал Дик.

– А что, если нет, свинья? – рявкнул Фэрроу.

– Значит, дружки из центральной тюрьмы округа не увидят твоей тупой рожи, – из последних сил крикнул Джерри.

– Ты слышал его, – сказал Дик. – В противном случае, тебе конец.

– Я рискну, легавый!

– Один против шестерых полицейских? Не смей мои башмаки. Ты, конечно, гангстер, но что-то я не видел в твоём трехтомном деле разрядов по стрельбе. Всех не перестреляешь.

По движению руки, спрятанной под барной стойкой, Джой догадалась: Фэрроу перезаряжает оружие. Своими речами

он просто тянет время. Гигант точно не собирается сдаваться. В тюрьме он уже сидел. Вряд ли ему хочется туда возвращаться.

Схватив пустую бутылку, Джой со всей силы швырнула ее в коллекцию виски, расположенную за спиной Фэрроу. Сработало, как часы. От резкого звука бьющегося стекла преступник дернулся в сторону, на секунду высунувшись из-за старика.

Первая пуля попала в его плечо, вторая разорвала шею. Сделав шаг навстречу, Джой нажала на спусковой крючок в третий раз. На лбу Фэрроу образовалось красное пятно, в то время как по бутылке "Джонни Уокера" за плечами гангстера уже растекались его мозги.

Колин Фэрроу замертво шлепнулся на задницу, подперев стенку широкой спиной. Тонкая струйка джина из разбитого бокала стекала ему на голову, словно провожала в последний путь.

Поняв, что играть в гляделки с доктором Миллер не вариант, Джой подняла руки вверх в знак капитуляции. Действительно, хватит строить из себя строптивного подростка. Это ни к чему не приведет. Она опять убила человека. Нужно принять данный инцидент, пройти сеанс реабилитации у психотерапевта – хотя, по мнению Джой, она в нем совершенно не нуждалась, – и двигаться дальше. Чем раньше она ответит на вопросы доктора, тем раньше вернется на работу.

Единственную отдушину в жизни.

– Вы думаете, что я ставлю вам палки в колеса. Понимаю, – Карина по-доброму посмотрела на Джой. – Но и вы войдите в мое положение, мисс Грин. За восемь лет службы в полиции вы убили восемь человек. Это огромная цифра, вы не находите? Большинство копов за всю свою карьеру не делает и выстрела. Вы же отправили на тот свет больше людей, чем некоторые серийные убийцы. Закрывать глаза на этот факт нельзя. Да, вы отлично справляетесь со своей работой. Делаете хорошую статистику отделу. Но каждый бюрократ, просматривая отчеты полиции, натывается на количество убийств при исполнении. И представьте их удивление, когда выясняется, что в процентном соотношении, этот показатель лишь за одним полицейским. Как минимум появляются вопросы... Как максимум, вы заноза в заднице, от которой подумывают избавиться. Извиняюсь за свой французский.

Джой хотела ответить, но доктор остановила ее жестом руки:

– Не нужно ничего говорить. Я знаю о вашей судьбе. Знаю, какие испытания выпали на долю семнадцатилетней девочки. Как вам дважды приходилось бороться за свою жизнь в больничной палате. На какие жертвы пошел ваш отец, чтобы вытащить дочь из комы.

Не может быть... Откуда она узнала?

После того рокового удара на защите титула Джой увезли

в больницу, где она чуть не умерла. Это всем известно. Но про то, что она была в коме, сбежав с базы смерти: об этом знало очень ограниченное количество людей.

– Вы поистине уникальный человек. Одна в своем роде, – продолжила доктор. – Подросток, попавший в лапы садистов. Девочка, получившая пулю в голову при побеге, но все равно сумевшая выбраться.

Джой сидела напротив, царапая кожаное кресло короткими ногтями. Ее потряхивало. Карина явно видела, как сильно Джой хочет сосредоточиться, но у нее ничего не получалось. Наконец-то, психотерапевту удалось найти триггер Джой Грин. Как и у всех остальных, струнка, за которую нужно было потянуть, находилась глубоко в прошлом...

Проблема заключалась в том, что история Феникса хоть и была почти всемирным достоянием, но о том, что же там произошло на самом деле, вряд ли знали многие. По стечению обстоятельств Карина Миллер стала одной из них.

– Кто вам рассказал? – рявкнула Джой, вскочив с кресла.

– Понимаю, вы расстроены, но давайте взглянем на это с другой стороны. Оказывается, вы не робот. Вы так же подвержены эмоциям, как и все мы. И я больше, чем уверена, что корень вашего психического расстройства прячется глубоко внутри. В том, что вы до сих пор не можете принять произошедшее. Принять себя. Вы столкнулись с невысказанным. И чтобы пережить это, вам пришлось стать другим человеком.

– Вы не знаете, о чем говорите, – от злости Джой скрипела зубами. Она ходила из угла в угол, пока ее взгляд не остановился на шкафе с книгами. – Есть то, чего вы не понимаете. Никто не понимает.

Взяв паузу, Карина выглядела так, словно обдумывала варианты.

– Это мой отец? – спросила Джой. – Фрэнк вам растрепал? Он рассказал, как доктор Милтон помог ему вытащить меня из комы после базы Архитектора?

Карина молчала, но по ее лицу стало ясно: Джой права. Спустя пятнадцать лет и клятву, данную дочери, Фрэнк Чейз предал ее. Не смог сдержать язык за зубами. Рассказал то, о чем Джой старалась забыть на протяжении стольких лет.

Смотря на бешенство клиентки, Карина пыталась сгладить сложившуюся обстановку, но Джой все воспринимала в штыки. Никакие сторонние вопросы не могли отвлечь ее от факта предательства отца.

– Джой, послушайте. Архитектор сломал вам жизнь. С этим фактом не поспоришь. Да, вы выбрались из его тюрьмы, но его тюрьма не выбралась из вас.

Сжав кулаки до хруста костей, Джой позволила Карине договорить. Если она сорвется, это поставит крест на ее дальнейшей карьере. А больше всего Джой боялась, что ей запретят охотиться на монстров. Ведь, в противном случае, в монстра превратится она.

А миру точно не нужен такой монстр, как Джой Грин.

– Джой, вы очень смелая и сильная женщина. Уверена, в полиции вас считаю героем. Вы рветесь в бой, не жалея себя. Но страшная правда заключается в том, что как только отец вытащил вас из комы, еще тогда, много лет назад, вы стали нуждаться в насилии. Клетка, все эти кровавые побоища в ринге, это было лишь для того, чтобы накормить зверя внутри. Зверя, которого внедрил в вас другой человек. Это Архитектор, это не вы. Я не имею ни малейшего представления о том, что с вами делал этот псих. Как он ломал ваш дух, ваше тело, вашу волю. Но нужно понимать: Джой, вы больше не в его тюрьме. Вам необязательно калечить или убивать. Вы можете освободиться. Сбросить гнет человека, который давным-давно гниет в камере.

– Вы закончили? – спросила Джой, взяв одну из книг с полки шкафа.

В голосе девушки больше не было злости. Только холод и расчет. Маска железной леди опять взяла верх. И что-то подсказывало: для того чтобы Джой Грин вновь заставить чувствовать, нужно будет постараться очень сильно. Второй раз она не позволит застать себя врасплох.

– Когда я смогу вернуться на службу? Мы убили главаря "Красных змей". Сейчас на улицах неразбериха. Надо воспользоваться моментом. Поймать каждого, пока эти недоделанные гангстеры не перегруппировались.

– Мне очень жаль, Джой. – Доктор Миллер взяла театральную паузу, чтобы озвучить вердикт: – Я не могу допу-

стить вас до службы. Вы не стабильны. Вам следует пройти психиатрическое обследование. Решить свои проблемы, и только после этого вновь брать в руки оружие.

Джой не выглядела удивленной внешне, но Карина даже не подозревала насколько безумный пожар полыхал внутри ее клиентки.

– Это все? – спросила Джой, вернув книгу на место перевернутой на другую сторону.

– Да, мисс Грин. Отдохните пока и приведите мысли в порядок. Нам предстоит долгая работа. Но, уверяю, в конце пути вы вздохнете с облегчением и посмотрите на мир совсем другими глазами.

– Отлично. Спасибо за сеанс.

– Всего доброго.

Выйдя из кабинета психотерапевта, Джой громко хлопнула дверью. Направляясь к лифту, она пыталась унять нервный тик глаза. Больше всего на свете ей хотелось вновь оказаться в клетке и устроить бойню. Почувствовать запах крови. Увидеть ее на костяшках пальцев. Ощутить азарт схватки. Быть там, где все просто: убей или будь убитой.

Двери лифта открылись. Зайдя внутрь, Джой нажала на кнопку. Ей не терпелось выйти на улицу. Вдохнуть свежего воздуха. Ей казалось, что стены давят с четырех сторон. Яркий свет лампы на потолке слепил глаза. Джой надела очки и попыталась собраться.

– Я предупреждала, – раздался девичий голос. – Рано или

поздно за тебя возьмутся. Нельзя убивать людей направо и налево, даже если они заслуживают смерти. Ферроу, конечно, то еще говно, но стрелять в голову было необязательно. Не то чтобы я была против... просто теперь все стало намного сложнее.

Повернувшись назад, Джой увидела семнадцатилетнюю девушку с длинными русыми волосами. Короткая юбка, колготки в сеточку на соблазнительных ножках. Ярко-красный топ под модной кожаной курткой подчеркивал упругую грудь. Роста добавляли высокие каблуки.

Блеснув карими глазами, девушка достала пачку сигарет из лакированной сумочки и закурила. Выпустив пару жирных колец дыма, она улыбнулась, приподняв вверх свой милый курносый нос.

– Что теперь будешь делать, коза? – спросила она.

Ничего не ответив, Джой дождалась, пока лифт доехал до первого этажа и молча вышла в холл.

Лофт Джой больше смахивал на пещеру Бэтмена. Стены, отделанные под камень, мраморный пол: интерьер выглядел мрачно, если не сказать больше. Огромное окно с черной рамой, через которое просматривались ночные огни Глум Сити. В углу стоял здоровенный компьютерный стол с кучей мигающих мониторов и клавиатур. Со стороны это выглядело рабочим местом настоящего хакера. В центре – потертый кожаный диван с пролежнями под изгибы тела хозяйки.

Скромную кухню дополнял небольшой телевизор, висящий на стене.

Несмотря на то что Джой за свою карьеру бойца заработала целое состояние, тратиться на модную мебель дизайнерских трендов она не привыкла. Только самое необходимое.

Единственное на что Джой не пожалела сбережений – это создание спортивного уголка. Пара тренажеров, боксерская груша, гантели, турники: там было все для поддержания тела в отличной форме. Даже после того, как она покончила со спортом, Джой не переставала тренироваться. Быть сильной каждую секунду, каждый миг, это стало ее кредо.

В одной майке и плавках, сидя за кухонным столом с бутылкой минералки в руках, Джой смотрела на девушку напротив. Шона Кайл пила вино из бокала, переключая каналы на телевизоре. Обнаженное тело азиатки было сплошь покрыто татуировками. При тусклом свете бра ее фигура выглядела фантастически. Не зря она столько времени проводила в спортзале и салонах спа. Гладкая кожа, длинные волнистые волосы цвета ночи. Пронзительный взгляд. Мимо Шоны никто не мог пройти и не обернуться. А то, как она смотрелась без одежды: эту картину мечтал увидеть каждый.

– О чем думаешь? – спросила Джой.

– О тебе, – Шона допила вино.

– И какие мысли?

– Сколько мы вместе, Феникс?

Это явно не к добру. Джой знала Шону. Ее привычки,

склонности, черты характера. Но самой отличительной чертой Шоны было то, что она ненавидела разговоры по душам. Озорная азиатка всегда оставалась в движении. Ей нравились вечеринки, посиделки в компании друзей. Ей нравилось все то, что Джой было чуждо. Именно поэтому Джой и не понимала, почему такая девушка, как Шона, тратит свою драгоценную жизнь на нее.

– Полгода.

– Полгода, – Шона откинулась на спинку стула. Блик света упал на ее обнаженную грудь. – Полгода, Джой. А я так и не пробилась к тебе сквозь ту толщу, что ты выставила перед окружающим миром. Поверь, ты мне очень нравишься. Я была очарована тобой с первого взгляда. Еще бы! Джой Грин! Феникс! Та, кому удалось невозможное.

Поставив бокал, Шона облокотилась на стол и дотронулась до руки Джой. Кожа казалась жесткой и холодной. Впрочем, ничего удивительного. За год их отношений Шона так и не получила тепла.

– Ты ни разу не позволила мне остаться у тебя на ночь, – продолжила Шона. – На все уговоры сходить вместе к моим друзьям, ты всегда отвечала отказом.

– Шона...

– Нет, Феникс. Дай мне высказаться.

Джой убрала руку, оставив холодный след на коже любовницы. Она догадывалась: такой момент не за горами.

– Ты думаешь, я не знаю, что перед сном ты надеваешь ка-

пу, потому что боишься прокусить язык; так сильно тебя мучают кошмары. Хотя ты никогда и не рассказываешь о своей работе, но то тут, то там ходят слухи, что Феникс вновь пристрелила очередного бандита.

Джой закатила глаза, пытаясь отвлечься от тирады Шоны. Ей уже стало ясно, к чему приведет разговор.

– А то, как ты пялишься в стену, словно видишь там кого-то. Признаться честно, это пугает, – взяв со стола бутылку вина, Шона жадно отпила. – Как втайне ото всех ты разглядываешь ее фотографию, спрятанную в твоём бумажнике. – Джой молчала. – Даже сегодня, в постели! Ты холодна как айсберг. Да, ты стараешься, ты нежная и чуткая в плане отдачи партнеру. Но принимать ласку от меня ты никогда не умела. Думаешь, я не понимаю, что каждый раз ты симулировала. Я не отступила. Я же Шона Кайл, подумала я, мне под силу разогреть лед, даже в теле такой женщины, как Джой Грин. Как же я заблуждалась.

– Послушай...

Встав со стула, Шона начала одеваться: стринги, лифчик. На подушке от дивана она нашла свои черные чулки.

– Я не знаю, в чем твоя проблема, Джой. В большей степени из-за того, что ты не хочешь делиться со мной. Ничем. Порой мне казалось, что я нужна тебе только для того, чтобы ты хоть на миг могла почувствовать себя нормальной. Быть как все, пускай лишь на короткое мгновение. Но знаешь, что я тебе скажу, Феникс... Я не пластиковая кукла из сексшопа,

которой пользуются только тогда, когда приспичит. Хватит с меня этого.

Надев платье, Шона поправила прическу и подошла к входной двери.

– Зачем тогда ты приходила, Шона?

Джой дотронулась до шрама на брови, так и не встав со стула. Вся ее поза выглядела скульптурой из камня. Ни малейшего движения. Никаких эмоций. Только мрак комнаты и безмятежная Джой, сидящая за столом.

– Хотела попрощаться. Ты невероятный человек, Феникс. И порой с тобой было очень здорово. Но я не могу вечно носиться с твоими демонами. Тебе нужно обратиться к специалисту. Слишком много тараканов у тебя в голове. Видимо, после потери Линдси в той злосчастной яме у Архитектора, в твоём сердце не осталось места для кого-либо еще.

Джой вскочила на ноги, опрокинув стул. Швырнув в сторону пустую бутылку минералки, она приперла Шону к стене так сильно, что из глаз азиатки потекли слезы.

– Не смей произносить ее имя! Тебе ясно!

Отступив на шаг назад, Джой наблюдала, как Шона скатывается по стене, словно потерявшая стержень кукла. То с каким холодом Джой смотрела на нее, заставляло трястись от страха. Впервые Шона увидела настоящую Джой Грин. Человека, готового стереть в порошок кого угодно.

– Извини... – прошептала Шона.

Схватив туфли, девушка выбежала из квартиры, хлопнув

дверью.

– Поздравляю, коза, – прозвучал ехидный голос. – Ты только что окончательно отшила такую классную симпатягу. Серьезно? Ее сиськи были просто нечто.

Повернув голову назад, Джой увидела Линдси Локхарт, сжимающую свою грудь. Девчонка смотрела на нее с ехидством и вызовом.

– Мои, конечно, тоже ничего, но бюст Шоны Кайл был на редкость великолепен. Когда тебе еще выпадет шанс потрогать такую красоту?

– Замолчи! – крикнула Джой. – Тебя здесь нет. Ты мертва!

– Интересно, по чьей же вине?

– Просто исчезни и дай мне выспаться. – Джой грохнулась на диван, прикрыв голову подушкой.

Закрывать глаза. Уснуť. Выключиться. Вот чего она хотела больше всего. Слишком много для одного дня.

– Спустя десять лет, – зазвучал голос ведущей в телевизоре, – один из самых известных серийных убийц вышел из комы. Невероятно, но Маркус Морлоу в сознании.

Убрав подушку с головы, Джой посмотрела на экран. Мужское лицо с заостренными чертами. Темно-карие почти черные глаза. Спутанные волосы до плеч, словно у Иисуса. Маркус Морлоу опять появился в свете телекамер.

– Дьявол проснулся, он вновь с нами! – с волнением в голосе сказала ведущая.

Годами ранее.

Оливия Уэллс была не из тех женщин, которые могут разволноваться по пустякам. Работая с детьми из самых разных приютов, она насмотрелась на многое. Не все люди подходят к своему делу с полной ответственностью. Психолог слышала сотни рассказов об избиениях и унижении. Как со стороны старших ребят, так и самих работников учреждений. Иногда они лгали, иногда говорили правду. Но что объединяло их всех – просьба о помощи, читающаяся в глазах. В этом мире всем тяжело, а ребенку, оставшемуся без родителей, тяжелее в десять раз.

Оливия знала, что не в силах помочь каждому. Спустя несколько лет работы и куче бессонных ночей она в этом убедилась. Всегда найдется случай, когда все складывается совсем не по твоему сценарию. Бюрократия, ложь. Прорехи в системе. Постоянно находится лазейка для того, чтобы люди сверху могли закрыть глаза на некомпетентность определенных сотрудников.

Когда в жизни Оливии появился собственный ребенок, она отпустила свои переживания. Стала более холодной. Нельзя изо дня в день рвать себе душу, в надежде, что в будущем это никак не аукнется. Но маленький мальчик, сидящий в ее кабинет, вновь заставил психолога всерьез занервничать.

Стоя в коридоре, смотря в приветливое лицо молодой слу-

жительнице церкви, Оливия формулировала мысль в голове. Ведь то, что ей предстояло сказать, было непросто.

– Здравствуйте, сестра Мередит.

– Добрый день, Оливия.

Женщины обменялись рукопожатием, и Оливия отметила, насколько крепкой оказалась рука собеседницы. Жесткая ладонь прошла по мягкой коже, словно грейдер.

– Что вы можете сказать о Маркусе? – спросила сестра Мередит.

– Хм. С чего бы начать.

– Начните с самого главного.

Мередит было около тридцати, но в ее взгляде Оливия увидела гораздо более зрелую женщину. Ту, кто сможет принять правду, какой бы чудовищной она ни была. По крайней мере, так ей казалось.

– Оливия, послушайте. За все время служения в церкви, в нашем приюте я встречала очень много детей. Разных детей. Добрых и чутких. Злобных и мстительных. Тех, кто понимает с первого слова и тех, кому нужно объяснять одно и то же по сто раз.

– Понимаю...

– Но детей подобных Маркусу я не встречала ни разу. Особенно после случившегося. Знаете, после инцидента, многие заговорили об одержимости.

Женщины стояли в довольно узком коридоре, вокруг них бегали ребятишки, играя в догонялки. Одна девочка чуть не

сбила сестру Мередит с ног.

– Аккуратнее, дитя!

Разговоры об одержимости? Оливия предполагала подобное. Тем более зная то, что произошло с мальчиком.

– Не буду ходить вокруг да около, сестра Мередит, – Оливия дотронулась до живота, чувствуя смятение. – Результаты о психопатии Маркуса не радуют. Тесты по отсутствию эмпатии высокие... Пятьдесят четыре из шестидесяти. Тест на манипулятивность: сорок шесть из шестидесяти.

– Что это значит, доктор? Есть лечение?

Оливия ответила не сразу. Пару секунд она выстраивала в голове последовательность мысли.

– Это будет сложно, но, возможно, у нас получится научить Маркуса тому, чего ему не хватает. Отсутствующим в нем эмоциям.

– И как это сделать?

– Лучше всего показать на примере других людей. Чтобы Маркус узнал, как нужно реагировать в те или иные моменты.

Мередит оперлась спиной о стену. Казалось, из женщины разом вышел весь воздух. Видимо, она знала, что Маркус особенный, но, чтобы такое?

– То есть, – начала сестра, – вы хотите сказать, что ему нужно научиться притворяться? Выдавать фальшь за истину? Что в те моменты, когда Маркусу будет абсолютно плевать, он должен выдавливать из себя лживые кривляния,

дабы не выделяться из толпы?

Облизав пересохшие губы, Оливия ответила:

– Со временем он может привыкнуть. Маркус начнет реагировать на те или иные обстоятельства так, как это делаем мы с вами. В теории, конечно.

– Вот только вы упускаете одну очень важную деталь! – Мередит впервые повысила голос. – Все это так и останется ложью. Он посмотрит нам в глаза с грустью на лице, хотя внутри него по-прежнему не будет ровным счетом ничего...

– Мне жаль, – ответила Оливия. – На моей практике, это первый случай.

Не сказав больше ни слова, сестра Мередит забрала Маркуса из кабинета психолога, и они пошли в сторону выхода. Даже вдалеке доктор Уэллс видела рисунок с изображением человека в крови, которым небрежно размахивал Маркус Морлоу. Как знать, что это за сцена? Возможно, мальчик сделал или собирался сделать что-то гораздо худшее чем то, в чем его обвиняли.

Глава 3

Время остановилось. Казалось, что я бесконечно лечу вниз в этой пучине забвения. Каждая секунда – вечность. Словно вокруг все замерло, кроме моего безжизненного тела, падающего в пропасть.

Боль от удара о землю заставляет прийти в себя. Заставляет открыть мертвые веки и вновь заглянуть в сердце черной пустоты. Лежа на влажном полу из камня, я плачу. Плачу и истерически смеюсь. Слезы яркими брызгами покидают глаза. Я все еще жива. Все еще здесь! – в этом аду. А значит, мои страдания не закончились. Просто дьявол отпустил добычу, решив сменить правила. Он устал смотреть на сонную марионетку, подвешенную на веревках.

Новая игра началась. И хочу я того или нет, но мне придется искать выход в лабиринте смерти.

Что может ощущать человек, потерявший память?

Безмятежность? Тревогу? Панику? Маркус Морлоу как следует испытал на себе весь спектр этих эмоций.

Очнувшись в больничной палате, он хотел сделать хоть что-то, но после десяти лет комы его руки и ноги отказывались двигаться. Глаза мужчины бегали по сторонам в поисках выхода, которого не было. Он оказался пленником в собственном теле, без единой мысли о том, кто он и как сюда

попал. От безысходности Морлоу тихо выли всю ночь, пока медсестра на утреннем обходе не нашла его в слезах.

Крупная женщина в белом халате от неожиданности чуть не грохнулась на пол. Она с ужасом смотрела на ничего не понимающего Маркуса, на всякий случай решив перекреститься. Хотя и прошло уже больше десяти лет, но в ее памяти до сих пор слышались отголоски тех дней, когда монстр свирепствовал на улицах города. Каждый раз обмывая тело Морлоу, в глубине души она мечтала о его смерти. Ей было невыносимо касаться ублюдка, унесшего пять жизней.

Смотря в испуганное лицо пациента, она не понимала: почему невинные девушки с его легкой руки покинули наш мир, в то время как Морлоу, получив три пули в грудь и упав с третьего этажа, остался в живых? Где же справедливость?

Первые слова, услышанные Маркусом после выхода из комы, были следующими:

– Куда же смотрит господь, если ты открыл глаза, мерзвец?

Пролежав всю ночь в темноте, не имея возможности пошевелиться, пытаясь понять, что здесь происходит, Маркус окончательно запаниковал, увидев гнев медсестры. Что он сделал этой женщине? Почему она его так ненавидит?

Морлоу закрыл глаза, пустив слезу в свободный путь по щеке. Это невыносимо. Хуже, чем ад: мысленно блуждать в крошечной темноте, отыскивая крупинцы памяти среди частиц пустоты.

Кто он такой?

Как его имя?

Как он сюда попал?

С отросшими волосами и густой бородой мужчина лежал на больничной койке, мечтая получить ответы. Ответы, которые могли напугать сильнее, чем вакуум внутри его разума.

Допив очередной стакан виски, мэр Гордон Смит сверлил взглядом усталое лицо Фрэнка Чейза. Полицейский прекрасно понимал, зачем его вызвал к себе градоначальник Глум Сити. Но общаться с разжиревшим политиком не было ни малейшего желания.

Десять лет назад, благодаря зверствам Маркуса Морлоу, Смит баллотировался в мэры и из должности комиссара стал главой города. В эру смуты и страха его предшественник совершенно не справлялся с обязанностями. Но после громкого задержания маньяка горожане смогли вздохнуть с облегчением. Конечно, вряд ли бы у Смита получилось удержать пост, если бы не своевременная поимка убийцы.

После завершения дела Гордон Смит собрал огромную пресс-конференцию, на которой, со свойственной ему пафосной речью, назначил Чейза на должность комиссара. Хотя Фрэнк всячески отказывался от столь внушительного повышения, Гордон настоял. Нужно было как следует отблагодарить героя, желательно на глазах у всех.

С тех пор Фрэнк дико недолюбливал Смита, пускай и в роли начальника полиции смог добиться успехов: рост преступности во время главенствования Чейза снизился в разы.

– Фрэнк! – Смит с грохотом ударил стаканом о стол. – Какого черта эта тварь опять в свете софитов?

– Вы о Морлоу?

– А о ком еще, мать твою! Поганые журналюги мне все телефоны оборвали. Его гнилая рожа на первых страницах. Каждый молокосос, недавно взявшийся за перо, хочет написать книгу о великом и ужасном серийном убийце! Урод два дня как глаза открыл, а хайпа вокруг себя собрал, словно он второе воплощение чертового Теда Банди!

– Это ненадолго. Просто нужно напомнить людям о том, что он совершил.

– Ты только представь, что будет твориться в суде, если до него дойдет. И что-то мне подсказывает, что чистосердечное Морлоу не напишет.

Поднявшись с кожаного кресла, Смит застегнул пуговицу серого пиджака и подошел к окну. Несколько секунд он смотрел на мелко морозящий дождь, на перебегающих через дорогу людей, на сотни машин, утопающих в общем потоке. Наконец, глубоко вдохнув, он повернулся к Фрэнку:

– До меня дошли слухи, что его делом заинтересовалась фирма "Хэмлин и Макфейден".

– Что? – немного громче, чем он ожидал, отреагировал Чейз.

– Именно...

Подойдя к столу, мэр налил себе еще одну порцию виски.

– Уверен, что не хочешь? – Смит с грустной усмешкой посмотрел на собеседника.

– Очень хочу, – ответил комиссар. – Но, это плохая идея.

– И как же ты расслабляешься?

– Есть старая шутка алкоголика, – начал Чейз. – Если я сейчас расслаблюсь, то вы все напряжетесь.

Мэр позволил себе легкий смешок. Закрыв хрустальный графин с янтарной жидкостью, он убрал его в шкаф.

– Что будем делать, Чейз?

– Для начала нужно поехать в больницу и посмотреть ему в глаза.

– Думаешь, он не симулирует?

– Конечно, он врет. Как пить дать. Но послушать заключение врачей не помешает. Если за дело возьмутся "Хэмлин и Макфейден", то мы обязаны быть начеку. В этой фирме работают первоклассные юристы. Не думаю, что у них получится добиться оправдательного приговора, но то, что вместо тюремной камеры он может оказаться в комфортной комнате, в психушке, это вполне вероятно. Никому это не нужно.

– Поезжай в больницу и все разузнай. – Смит подошел к Фрэнку и положил руку ему на плечо. – Я знаю, мы не всегда ладили. А после твоего повышения, ты и вовсе записал меня в ряды тех, с кем срать не сядешь в одном поле. Но сей-

час мы должны отложить разногласия и сфокусироваться на общем враге. Если Морлоу соскочит с крючка... Это станет катастрофой. Надеюсь, ты понял?

– Сделаю все, что в моих силах, – сказал Чейз.

Не успел комиссар завести двигатель машины, как в его окно постучали. От неожиданности мужчина выронил ключи. Повернув голову, он увидел лицо, от которого по телу побежали мурашки.

Джой.

Его дочка стояла под проливным дождем, костяшками пальцев тарабанила по стеклу. Короткие черные волосы скрывал капюшон куртки. Несмотря на отсутствие солнца, зеленые глаза девушки притаились за очками. Фрэнк заметил, насколько четче стало лицо его дочери. Подбородок, обтянутый кожей, выпирал вперед. По высоким скулам стекали капли дождя. Она всегда была немного фриковатой, но сейчас весь ее вид кричал о полном безразличии к внешнему миру.

После того как Джой вышла из комы пятнадцать лет назад, Фрэнк понял, что она уже не та, что прежде. Джой изменилась. Навсегда. От его маленькой девочки не осталось и следа. Архитектор начисто стер то, что делало ее человеком. Вместо нее проснулся кто-то другой. Тот, кого Фрэнк не знал.

И более того, кого он начинал бояться.

Врачи говорили о ретроградной амнезии. Якобы Джой забыла те кошмары, произошедшие с ней в заточении. Но даже если они и были правы, то где-то на подсознательном уровне на Джой давило нечто необъяснимое. То с какими криками она просыпалась первые пару месяцев, заставляло Чейза и его бывшую жену Кристину вскакивать с кровати и бежать в комнату дочери. Джой кусала губы до крови. Царапала кожу, оставляя кровавые борозды. Ее истерический ор разрывал стены.

Врачи поставили диагноз "Ночные ужасы". Редкое заболевание, характеризующееся резким пробуждением в состоянии сильного страха. Джой пару раз врезалась в стену, словно пытаясь от кого-то убежать, после чего родителям приходилось привязывать ее к кровати.

В те моменты, когда Джой не кричала во сне, она бормотала. Мама Джой обливалась слезами, слушая, как ее девочка шепчет одно и то же имя. Она повторяла его снова и снова. Каждую ночь.

Линдси.

Всегда Линдси.

С самого детства Джой была неразлучна с этой прозорливой шалуньей. Все свободное время девчонки проводили вместе. Делились секретами и тайнами. В школе сидели рядом за соседними партами. Там, где нужна была грация и хитрость в дело вступала Линдси. Где требовалась решительность и сила, Джой не заставляла себя ждать. Вдвоем

они являлись одним целым. Правду говорят, что настоящая дружба может быть только в детстве. Иногда Чейзу казалось, что это нечто большее, чем просто дружба двух девочек! – настолько они были близки.

Но Джой лишилась своей второй половинки. Вернее сказать: ее лишили.

Что на самом деле произошло с Линдси Локхарт в тех мрачных стенах никто не знал. Труп не был обнаружен. Полиция прессовала Архитектора, как могла – Фрэнк Чейз позаботился об этом, – но психопат молчал. С разбитым в кровь лицом, выплевывая зубы, он твердил одно и то же:

– Я расскажу только ей.

Фрэнк понимал, о ком он говорит. Но разрешить дьяволу вновь встретиться со своей дочерью он никак не мог. Слишком много зла Архитектор привнес в их жизнь и продолжить сеять тьму в сердце его ребенка, Чейз не позволил бы ни за что...

Опустив окно, комиссар улыбнулся. Несмотря на все их многолетние разногласия, Чейз был приятно удивлен появлению Джой.

– Может, откроешь дверь, – сквозь звук дождя сказала девушка.

Немного растерявшись, Фрэнк потянулся к двери со стороны пассажирского сидения. Сняв капюшон, Джой села в салон, выдохнув небольшое облако пара. Несколько секунд она молча рассматривала лицо отца. Казалось, она искала

что-то знакомое, но никак не могла найти.

– В телевизоре ты выглядел лучше...

– Это все грим. Ну, знаешь, чтобы не было бликов и все такое.

– Ладно. Хватит трепаться, Фрэнк, – Джой сняла очки, показав свой глубокий шрам на брови. – Ты ей рассказал.

Чейз знал, что это случится. Он открыл тайну дочери, хотя поклялся молчать.

Когда "ночные ужасы" Джой стали совсем невыносимыми, а Фрэнк с Кристиной были совершенно растеряны, на помощь пришел дедушка. Роберт Чейз всю жизнь работал профессиональным тренером по боксу и с детства водил Джой к себе в спортзал. Там он и привил девочке любовь к боевым искусствам.

Предложение Роберта: попробовать Джой свои силы в смешанных единоборствах, было встречено Фрэнком в штыки. При побеге от Архитектора Джой получила пулю в голову. Эта травма отправила ее в кому на долгие месяцы. Одним лишь чудом ей удалось очнуться, и Чейз до ужаса боялся последствий. Удары по голове категорически запрещались.

Но в тайне от родителей Джой все же пошла на тренировку; ночь после занятий стала первой, когда она смогла спать спокойно. Никто не знал почему, но окунувшись в мир спортивного насилия, Джой обрела свой центр и замкнула круг. Получая боль и причиняя боль в ответ, она сумела найти подобие психического равновесия.

Хоть Фрэнк до дрожи в руках боялся каждого пропущенного удара Джой, но отнять это у дочери он не мог. Чейз знал, что теперь жизнь его девочки там, где толпа кричала ее новое имя.

Феникс!

Птица, восставшая из пепла.

Когда появилось предложение выступить на профессиональном уровне, Джой заставила отца поклясться, что он никогда и никому не расскажет о ее проблемах с головой. Утрясти все с врачами, для такой шишки, как Фрэнк Чейз, не составило труда. В тот день Фрэнк впервые за очень долгое время увидел благодарность в холодных глазах дочери.

– Почему? – спросила Джой.

– Почему я рассказал о твоём прошлом Карине Миллер? – Чейз облизал пересохшие губы. Джой была его ребенком, но его пробирал холод, каждый раз, когда он слышал ее голос. – Потому что так больше продолжаться не может.

– Что именно?

– То, что ты делаешь!

– И что же я, по-твоему, делаю? – спросила Джой.

– Не делай вид, словно не понимаешь, о чем я! – взорвался комиссар. – Мало того что ты решила пойти в полицию! За каким чертом мне совершенно не понятно! Так ты еще стала убивать людей направо и налево!

– Я выполняла свой долг, – Джой подула в стеклышко солнцезащитных очков и протерла их краем футболки. –

Бандиты по типу Фэрроу не всегда хотят сдаваться без боя. Иногда нет другого выхода, кроме как применить оружие.

– Джой, – Фрэнк внимательно посмотрел на дочь. – Я не лысый хрен с галстуком из отдела внутренних дел. Не нужно мне вешать лапшу на уши. Я знаю, что как минимум в трех эпизодах ты могла обойтись меньшей кровью. Убить было твоим сознательным шагом. И признаться честно, это меня очень сильно пугает.

– Не стоит бояться. Все под контролем, – ответила Джой. – Как бы то ни было, каждый из них заслуживал свинец в голову.

– Что ж, – Чейз почесал заросший подбородок. – Если ты так думаешь, то я сделал правильный выбор, решив рассказать все доктору Миллер. Тебе нужна помощь. Ты прошла через слишком многое и пора бы тебе перестать вести эту борьбу в одиночку. Пришло время открыться хоть кому-то. Дочка, вот уже пятнадцать лет я не знаю, что происходит у тебя в голове. Каждый раз, когда мы с твоей мамой хотели помочь, ты закрывалась...

– Кристина умерла уже очень давно, – Джой вновь надела очки, не дав отцу увидеть свои глаза.

– Именно, а ты даже не пришла на похороны.

– Я была на задании. Работала.

– Какая к чертям работа, Джой! Ты только послушай себя. У тебя умерла мать, а ты предпочла общество отморозенных бандитов вместо ее похорон!

Фрэнк со всей силы вцепился в руль, переполненный эмоциями. Но что творилось на душе его дочери, это оставалось загадкой. Больше всего Чейз боялся, что за темными очками Джой спрятана пустота, а не скупые слезы. От одной этой мысли он приходил в ужас. Неужели его девочка потеряна навсегда?

– Знаешь что! – комиссар нервно завел двигатель. – Отказываешься от помощи? Хочешь перейти на черную сторону? Стать сраным Дартом Вейдером? Я покажу тебе, во что ты превратишься в конечном итоге.

Нажав педаль газа, Чейз помчался в больницу. Пришло время для встречи с Маркусом Морлоу.

Годами ранее.

Оливия Уэллс перекладывала бумаги на столе, когда к ней в кабинет вошел Маркус. Мальчик выглядел спокойным, если не сказать хмурым. Русые волосы аккуратно зачесаны набок. Серый свитер, шорты. На ногах – сандалии. Он смотрелся чистым и опрятным. Это отличало его от большинства детей, которым дай волю, и они бы играли с утра до ночи, позабыв о внешнем виде.

Проработав с Маркусом не один год, Оливия привыкла к нему. Можно сказать, прикипела. Поначалу он показался ей потерянной душой. Окончательно заблудшим. Особенно после инцидента в приюте. Но шли недели, месяцы; мальчик начал откликаться. Оливия видела это в его глазах. Он

по-прежнему оставался скрытным и немного замкнутым, но пропасти между ними больше не было. Иногда он сам охотно шел на контакт. Рассказывал о том, что творится в его жизни. В эти моменты Оливия гордилась проделанной работой, ведь Маркус выглядел совершенно нормальным ребенком. Но так было не всегда. Порой он вновь замыкался. Ставил блок внешнему миру, погружаясь вглубь себя.

Он все так же безудержно рисовал. Его мастерство стало гораздо лучше. К двенадцати годам Маркус мог дать фору любому студенту изобразительных искусств. Работы Морлоу получались на редкость живыми. Глядя на них, Оливия чувствовала стержень художника. Его крепкую руку. Иногда ей казалось, что рисунки принадлежат кому-то другому. Что ребенок не может так точно передавать эмоции на листе бумаги.

Чаще всего Маркус рисовал абстракциями. Выплескивал на холст свое настроение. Бил в самую глубь зрителя, используя только цвета. Но когда он выдавал нечто более приземленное, заключенное в понятную оболочку, Оливия чувствовала трепет, глядя на то, как точно он воспроизводит ту или иную сцену. Мальчик настолько щепетильно подходил к каждой детали, что доктор Уэллс была искренне удивлена его талантом.

– Маркус, сколько лет ты приходишь ко мне на сеансы?

Скомкав бумажный лист с неудачным наброском, ребенок аккуратно положил его в мусорное ведро. Замерев на секун-

ду, он поднял глаза на женщину:

– Около шести лет, доктор Уэллс.

– Как ты думаешь, наши разговоры помогают тебе?

– Я думаю, что теперь на меня не смотрят как на фрика.

– Это ведь хорошо? – Оливия наклонилась на стол, скрипя креслом.

– Так определенно проще. Нужно следовать правилам, иначе кто-то может подумать, что со мной что-то не так. Начнутся вопросы. Я стану привлекать лишнее внимание. И все это в совокупности будет отвлекать меня от работы.

– Говоришь совсем как взрослый.

– Взрослые любят умничать. Особенно в разговорах с детьми. Если говорить с ними на их же языке, то чаще всего интерес ко мне пропадает.

Оливия улыбнулась, поправив очки. Глядя в ясные глаза мальчика, она искала подвоха, но он выглядел совершенно искренним. Иногда ей казалось, что Маркус говорит то, что у него на уме. Иногда то, что люди хотят от него услышать.

– А что за работа такая, от которой ты не хочешь отвлекаться? – спросила Оливия.

– Можно, я не стану отвечать на вопрос.

Мальчик скрестил пальцы, положив их на колени. Его глаза не бегали по сторонам, пытаясь уйти от взгляда доктора. Нет. Он внимательно посмотрел на Оливию, дав ей понять, что это его личное дело. Что ее это не касается.

– Что ж, справедливо. В таком случае, может, расскажешь,

как проходят твои дни в приюте? Как учеба? Как отношения со сверстниками?

– Сносно. Оценки средние. Нормально, – коротко ответил Морлоу.

– Маркус, мне кажется, ты что-то не договариваешь.

Взяв со стола блокнот, Оливия перелистнула пару страниц и что-то прочитала.

– Со слов миссис Шайдер, твоей учительницы по английскому...

– Я знаю, кто такая миссис Шайдер, – перебил Маркус.

Оливия заметила, как мальчик напрягся. Язык тела выдавал его раздражительность. Он явно не хотел упоминания об учителе.

– Так вот, – сказала Оливия. – Миссис Шайдер говорит, что некоторые зачеты ты сдаешь гораздо хуже, чем мог бы. Что ты умнее большинства детей в классе, но специально портишь свои отметки. По правде говоря, она думает, что ты гений. Но по какой-то причине, самолично зарываешь свой талант, – Оливия с хлопком прикрыла блокнот. – Это так?

– Доктор Уэллс, – Маркус наклонился вперед, скрещенные пальцы положив на стол. – Вы знаете, что после того инцидента в церкви, много лет назад, некоторые всерьез думали, что я одержимый. Раньше я не знал этого термина. Сейчас же, мне все стало ясно.

– И что же тебе стало ясно, Маркус?

Оливия сверлила мальчика глазами, стараясь не давать

слабину. Здесь она ведомая. Он должен это понимать. Нельзя отпускать вожжи. Даже если Маркус выглядит нормальным, говорит как все остальные и реагирует, это не отменяет факта, что он другой. Она сама научила его адаптироваться.

– Люди боятся того, чего не понимают, доктор Уэллс, – Маркус протянул руку вперед, не отводя глаз от Оливии. На короткий миг сердце в груди психолога екнуло. Она испугалась его хладнокровия. Взяв чистый лист бумаги, мальчик вновь вернулся в привычное положение. – Мне не стоит выделяться. Нигде и ни в чем. Только так я смогу заниматься тем, что для меня важно.

Уверенной рукой, Маркус провел линию на листе.

– И что же для тебя так важно, Маркус?

– Когда-нибудь вы об этом узнаете...

Глава 4

*Внутренний голос кричит: найди выход! Отыщи путь к свободе! Будь сильной! Собери остатки воли в кулак и пре-
крати скулить! Ты сможешь! Ты обязана справиться!*

Но я сломлена...

*Стоя на коленях, ловя капли воды на избитом теле, я
вдыхаю холодный воздух, не зная, что делать дальше. Ку-
да идти? В какую сторону двигаться? Вокруг меня лишь гу-
стая пелена черноты и больше ничего.*

*Но нужно подняться. Встать на ноги, пускай все кости
ломит от холода и боли.*

*Звук... Тихий всплеск за моей спиной. Я слышу его. Воз-
можно, это притаившийся в темноте надзиратель, решив-
ший напоследок поиграть с умирающей жертвой, но других
ориентиров нет. В непроглядном мраке я могу полагаться
только на звук.*

*С трудом поднявшись на ноги, я иду навстречу дьяволь-
ской неизвестности, понимая, что каждая секунда может
стать последней.*

*Касаясь кончиками пальцев холодного стекла, Джой смот-
рела на мужчину, лежащего в больничной палате. Сквозь
щели жалюзи ей был виден обездвиженный человек, укры-
тый белым покрывалом. Отросшие волосы, борода, пустой*

взгляд, устремившийся в потолок. Глядя на Маркуса Морлоу, Джой охватывал глубокий интерес. Кто он такой? Что сподвигло его на совершение подобного? Для чего он нес это разрушающее зло?

Во время зверств Морлоу Джой готовилась к пятой защите титула. Каждый подготовительный лагерь к бою она сопровождала абсолютным отрешением от внешнего мира. Никаких новостей, интернета и телевидения. Одни лишь тяжелые тренировки и полная концентрация на поставленной цели. Только так она могла оставаться лучшей.

При задержании Морлоу Джой лежала на операционном столе, после пропущенного удара в клетке. Двенадцать часов врачи боролись за ее жизнь. Она оказалась бойцом и сумела выкарабкаться. Впрочем, как всегда. Что касалось выживания, то тут Джой Грин могла дать фору любому.

Когда ей удалось полностью оправиться, СМИ остыли к истории кровавого серийного убийцы. Какая разница если он все равно лежит овощем в больнице? Врачи говорили, что даже если Маркус и очнется, то прежним он не будет никогда: слишком серьезные повреждения. Чудо уже то, что он вообще выжил после трех пуль в грудь и падения с крыши.

В целом, кровавый поход Морлоу Джой обошел стороной. В те месяцы ее голова была забита совсем другими мыслями. Сейчас же, смотря на обездвиженного зверя, Джой ощущала некий зуд внутри себя. Ей хотелось узнать его. Познакомиться поближе. Но страшнее всего: она желала понять убийцу.

– Сара Мишель Симмонс, – начал Чейз, стоя за спиной у дочери. – Двадцать девять лет. Ублюдок вырвал бедняжке глаза, сделав из нее куклу с кровавыми слезами.

Джой не повела и бровью. В своем отделе по борьбе с бандами она видела, как детей заставляют перерезать первому попавшемуся человеку глотку, чтобы доказать свою верность преступному клану. О людской жестокости Джой знала не понаслышке.

– Сьюзен Родригес. Двадцать шесть лет. Тело нашли в доме, выставленном на продажу. Он буквально разорвал ее на куски. Несколько часов полицейские не могли начать работать внутри: настолько сильный стоял запах.

Джой задумалась. В голову закрадывались мысли, которые следовало подтвердить.

– Долли Форбс, – не унимался отец. – Тридцать один год. Морлоу вырезал ей язык, отчего та захлебнулась собственной кровью.

Джой вспомнила свое первое убийство. Работая в патруле, им с напарником поступил вызов от соседей о бытовом насилии. Прибыв на место, полицейские обнаружили женщину с почти перекушенным языком. Пьяный муж привязал ее к стулу и охаживал бейсбольной битой, пока дети прятались в шкафу. Джой прекрасно помнила опешившее лицо напарника, когда они вломились в квартиру. Как он с ужасом смотрел на избитую жертву, истекающую кровью. Для молодого парня подобная картина стала настоящим шоком.

На просьбу положить оружие обезумевший мужчина никак не отреагировал. Когда он бросился на полицейских, Джой нажала на спусковой крючок, всадив пулю ему между глаз. Бугай замертво рухнул к ногам избитой жены.

Дальше Джой все делала по протоколу. Хладнокровно, без капли растерянности и паники. От произошедшего напарник находился в сильном потрясении. Он так и не смог справиться с эмоциями после увиденного. Парень написал заявление на увольнение. Видимо, работа в полиции оказалась не для него; чего нельзя сказать о Джой Грин. Она со своими обязанностями справлялась лучше многих.

– Ванесса Гловер. – Фрэнк смотрел на свою дочку, наверняка даже не догадываясь о чем она думает. – Морлоу привязал двадцатилетнюю девушку к стулу в вонючем подвале, и вбил ей в уши металлические колья. У нее остался полуторагодовалый ребенок. Девочка так и не дождалась маму из магазина.

Джой повернулась к отцу. Свет от лампы на потолке падал ей на голову, прикрывая глаза тенью. Впервые за очень много лет Джой была заинтересована. Как в детстве, когда Чейз рассказывал ей сказки перед сном. Только рассказанное сейчас было по-настоящему.

– И напоследок, – Чейз внимательно взглянул на Джой. – Мария Голдман. Двадцать два года. Морлоу срезал с нее кожу живьем, заставив смотреть на себя в зеркало. Благо разрыв сердца жертвы не дал ему насладиться своей мерзостью.

– А он серьезно подходил к делу, – сказала Джой.

– Это не шутки, мать твою!

– Здравствуйте, комиссар Чейз.

Из оцепенения Фрэнка вывел голос доктора, незаметно подкравшегося сзади. Мужчина в годах с редкими волосами протянул потную ладонь. Обменявшись рукопожатием, Чейз представил врачу свою дочь.

– Итак, док, что мы имеем? – спросил Чейз.

Джой внимательно слушала разговор двух мужчин с почти детским выражением интереса на лице.

– Маркус Морлоу... Никто не думал, что ему когда-то удастся открыть глаза. – Доктор поправил очки и посмотрел на обездвиженного пациента через стекло. – Признаться, я удивлен. На моей памяти это первый случай, чтобы спустя столько лет кто-то пришел в сознание и остался дееспособным.

– Что значит дееспособным? – спросил Чейз.

– Несмотря на почти десятилетие, проведенное в коме, мистер Морлоу может нормально говорить и понимать. И я уверен, что после курса физиотерапии, у него появятся большие шансы встать на ноги.

– Доктор, вы хотите сказать, что, получив три пули в грудь, упав с третьего этажа, пролежав чертовых десять лет в коме, урод сможет вернуться к полноценной жизни?

– Звучит невероятно! Но это так.

– Просто безумие.

– Кто-то называет это чудом.

– Скорее происками дьявола, чтоб его!

Джой стояла рядом, не произнося ни слова. Ей все больше хотелось узнать историю Морлоу. Понять его мотивы.

– Называйте как хотите, – ответил доктор. – Но факт остается фактом. Видимо, мистеру Морлоу еще слишком рано покидать наш бранный мир.

– А что там насчет его амнезии? – со всей серьезностью спросил Чейз.

– Диссоциативная амнезия. Думаю, вы часто встречали этот термин в кино или романах.

– Это означает, что он ничего не помнит о себе, но память касательно внешнего мира осталась?

– Именно так. Он обладает тем же набором информации, что и мы с вами, не считая тех десяти лет, проведенных в коме. Просто он ничего не помнит о себе.

На секунду Чейз задумался. Он перевел взгляд с внушительных очков доктора на лежащего в палате Морлоу. Преступник отрешенно хлопал глазами, смотря в потолок.

– Может быть так, что он все это выдумал?

– Вы хотите спросить: возможно ли, что пациент симулирует свою амнезию?

– Прямо в корень зрите.

– Он прошел множество тестов. Мы провели томографию мозга. И после всего этого, я могу с уверенностью сказать, что Маркус Морлоу не симулирует. Каким бы плохим чело-

веком он ни был раньше, чтобы он не совершал, сейчас Морлоу этого не помнит. Вы бы видели его испуганные глаза, когда медсестра зашла в интернет и прочитала пару статей о его прошлых злодеяниях. Он заплакал, комиссар. Не думаю, что после десяти лет комы, в нем внезапно проснулся блестящий талант актера. Маркус уверен, что не совершал инкриминируемых ему преступлений.

– Мне нужно поговорить с ним, – Чейз произнес это таким тоном, словно любые возражения обсуждениям не подлежат.

– Не думаю, что это хорошая идея на данном этапе, комиссар, – доктор посмотрел на дверь. – Учитывая, что вы последний человек, с которым пациент общался перед забвением, это будет полезно, но чуть позже. Возможно, разговор с вами вызовет некий всплеск. Какие-то обрывки воспоминаний. Кадры из прошлого. Но! – Врач поднял указательный палец вверх. – Для начала поймите: перед вами не тот монстр, убивший пять женщин. Это очень важно.

– Пф...

– Не нужно относиться к моим словам с таким пренебрежением, – доктор положил руку на плечо Чейза. – Ответьте, что определяет вас как личность? Вы думали об этом? Из-за чего мы становимся теми, кто мы есть? Почему в одной и той же ситуации разные люди ведут себя совершенно по-разному?

– Доктор, вы спрашиваете меня, какого хрена одни творят зло и бесчинство, а другие нет? Почему одним людям хва-

тает сил дать отпор, в то время как другие просто замирают при виде опасности и не делают ничего для своего спасения?

Джой стояла молча, слушая перепалку взрослых мужчин. По глазам Фрэнка она видела, что он завелся не на шутку. Так было всегда, когда речь заходила о Маркусе Морлоу. Отец ненавидел этого человека всем сердцем. Джой была уверена: он не раз приходил в эту палату, думая о том, как бы выдернуть трубку из его рта.

– Есть набор факторов, – продолжил врач, – как внешних, так и внутренних.

– О чем вы? – спросил Чейз.

– С самого рождения мы впитываем окружение. Можно считать нас огромной губкой. Разница лишь в том, какой эта губка твердости и в каких условиях она оказалась.

Фрэнк почесал высокий лоб, видимо, догадываясь, о чем дальше пойдет речь. Джой же замороженно слушала врача.

– Давайте представим, – мужчина поднял указательные пальцы. – Две параллельные вселенные. В одной... мальчик родился в благополучной семье. Ребенка с самых первых секунд оберегали. Его холили и лелеяли. Он был окружен теплом и заботой. Родительской лаской. – Вновь поправив очки, доктор продолжил: – В другой реальности... мальчик рос в семье беглых преступников. Всю жизнь его сопровождала грязь, злоба, насилие. С раннего детства он смотрел на родителей и впитывал в себя их модель поведения. Как нужно говорить, двигаться, что делать в определенных ситуациях...

А теперь представьте, что два этих разных ребенка, по прошествии двадцати лет встретились.

– Вы хотите сказать, что это будут совершенно другие люди, непохожие друг на друга? – спросил Чейз.

– Именно. Нас определяет только пройденный путь. Наше прошлое. Оно – это то, что мы есть. Мы всего лишь набор характеристик поведения, усвоенных мозгом за прожитые года. Личность человека, не что иное, как совокупность поступков, знаний и эмоциональных потрясений. И никакая душа здесь ни при чем. – Врач перевел взгляд на Джой. – Посмотрите на свою дочь.

Чейз напрягся. Джой же, наоборот, стояла расслабленно, если не сказать вальяжно.

– История Феникса ни для кого не секрет, – доктор улыбнулся. – Обладая тем набором памяти, знаний и умений, имеющихся у нее... Я не думаю, что есть вообще что-то, чем можно напугать такого человека, как она. Вы только взгляните: собранная, целеустремленная. Откровенно говоря, даже хищная. Уверен, не пройди Джой то, что выпало на ее долю, сейчас перед нами была бы совершенно другая девушка.

– Доктор, – Чейзу явно порядком надоела тирада старика. – Я понял. По вашим словам, нас определяет лишь прошлое. Но какое это имеет отношение к ублюдку, лежащему в палате. Он убийца. Это факт. Он должен понести заслуженное наказание!

Не отводя глаз от врача, комиссар ткнул пальцем в окно,

отделяющее их от Маркуса Морлоу.

– Вот мы и вернулись в начало, – доктор снял очки с усталых глаз. – Не нужно относиться к мистеру Морлоу, как к человеку, которого вы арестовали. Потому что в этой палате лежит не он. Там лишь пустой лист, без единой кляксы графита жизни...

Джой держалась за поручни автобуса, пытаясь не потерять равновесие. Водитель явно был не в себе, раз вез пассажиров, словно бревна. Несмотря на то что большинство мест пустовали, Джой решила постоять. Глядя в окно, на проливной дождь, девушка думала о прошедшей встрече с убийцей. Если ее отец хотел испугать Джой, показав, какой она может стать, то он сильно просчитался. Как только Джой увидела Маркуса Морлоу, в ней проснулся интерес.

Странно, но стоя рядом с палатой преступника, потерявшего все, даже самого себя, Джой ощутила спокойствие. Обычные люди должны испытывать страх, или как минимум ощущение тревоги, находясь вблизи монстров калибра Морлоу. Джой же, кроме умиротворения и желания узнать историю Маркуса, не чувствовала ничего. В какой-то момент ей показалось, что они похожи друг на друга. Джой прекрасно понимала Маркуса. Ей, как никому другому, известна пустота и растерянность от потери памяти.

Первые дни после выхода из комы, Джой всеми силами пыталась вспомнить, что с ней случилось. Как она попала в

лапы садистов? Почему ей удалось выбраться, а Линдси нет? И что на самом деле произошло с ее лучшей подругой? Она так сильно хотела вспомнить, что рвала волосы на голове. Разбивала руки в кровь ударами в стену. Делала все, лишь бы вернулась память. Но, несмотря на все ее старания и мольбы, потерянные крупицы прошлого так и не встали на места.

По словам Фрэнка: мужчина с дочерью ехали на пикник, когда увидели грязную, бритую наголо и почти обессиленную Джой. Она выбежала на дорогу из чащи леса, словно потерявшаяся туземка. Вся в порезах и синяках, с обезумевшими глазами, не веря, что ей удалось найти цивилизацию. Водитель с девочкой приютили избитую и ободранную Джой в своем микроавтобусе. Но как только машина поехала дальше, по ним открыли огонь неизвестные люди. Джой стояла у окна, с трясущимися руками, когда пуля попала ей в голову, навсегда забрав часть ее прошлой жизни.

Водитель справился с управлением и чудом оторвался от преследователей. Джой была почти мертва. Мужчина доставил ее в больницу, где врачи сумели спасти ей жизнь. После многих месяцев заточения в плену маньяков и садистов, она вернулась домой. Но вместе с ней вернулось и что-то еще. То, чего раньше в ней не было. Тьма, которую в ее сердце внедрил Архитектор. Нечто темное, спрятанное на самом глубинном уровне. То, чего Джой не понимала до конца, но точно знала, что оно в ней есть.

Она много раз хотела навестить его в тюрьме. Посмот-

реть в глаза бесу, забравшему ее счастье. Ведь Архитектор не только отнял ее лучшую подругу, душевное равновесие, спокойствие и надежду на завтрашний день! – нет, он забрал гораздо больше. Забрал ее личность. Превратил в совершенно другого человека. В того, кого желал видеть в ней сам.

Да, она хотела встречи, но каждый раз что-то останавливало. Спустя пятнадцать лет Джой так и не решилась. Несмотря на тот зуд в голове, на пустоту, на необъятную злость, она все равно боялась. Архитектор стал ее криптонитом. Ничто не могло сломить боевой дух Джой. Она была настоящим воином с несгибаемым характером. Но, как и любого другого воина, у нее тоже оказалась слабость. Где-то в глубине себя, Джой понимала: на той базе смерти случилось нечто невообразимо страшное. И оно как-то связано с Линдси...

Что ж, если у нее не хватило сил и смелости разгадать свою тайну, то она решила попытаться найти демонов Морлоу. Узнать, почему он совершал те убийства? Почему каждый раз менял образ действий? Зачем Маркус рисовал круг на карте? Из-за чего человек, когда-то разрушивший свою жизнь, заступившись за девушку, смог превратиться в зверя?

Есть ли хоть толика вероятности того, что убийства совершил кто-то другой?

Кроме кучки адвокатов, решивших сделать имя на деле Морлоу, весь мир хочет затянуть петлю на его шее. Когда Маркус попадет в тюрьму, то не проживет там и трех дней. Джой была уверена, что если не ее отец, то кто-то более бла-

городный об этом обязательно позаботится. Рано утром его тело обнаружат в камере, подвешенное за обрывки простыни.

Джой отстранили от работы. Есть огромная вероятность, что жетон и оружие ей уже не вернут. Карина Миллер хоть и выглядит напыщенной стервой, но она далеко не глупа. А учитывая ее сговор с Фрэнком Чейзом, психотерапевт точно не отвяжется.

Так или иначе, Джой нужно чем-то себя занять. Ведь как только она останавливалась, в ее голову прокрадывалось нечто недоброе. То, о чем она не хотела думать. То, что могло принести вред.

Возможно, сейчас страница Маркуса Морлоу пуста. На ней нет ни единой черточки. Но Джой решила заглянуть в книгу его жизни куда более глубже, чем это сделал ее отец...

– Малыш, помоги Тайрону с коробками! – крикнула женщина возле входной двери.

Добравшись до дома, Джой увидела грузовую машину рядом с подъездом. Квартира на первом этаже пустовала многие месяцы: недавнее объявление о сдаче жилья сняли. Видимо, паренек лет тринадцати, пытающийся взять слишком тяжелую коробку, и есть новый сосед.

Джой подошла ближе, пытаясь как следует рассмотреть жильцов. Женщина с русыми волосами придерживала дверь, давая сыну забежать внутрь. Уставшие глаза, немного ис-

кривленный нос, скорее всего, за свою жизнь она повидала немало...

Из фургона выпрыгнул крепкий мужчина в кожаной жилетке и джинсах. Лысый с татуировками: явно мотал срок. На подобных персонажей Джой достаточно насмотрелась по долгу службы. Достав из кармана пачку сигарет, он прикурил сразу две, одной поделившись с женщиной.

– Дженна, – бугай обратился к своей спутнице, – где Оливер? Там еще пара легких коробок. Пускай пацан затащит их в дом, а я пока расплачусь с водителем.

– Хорошо, Тайрон.

Из двери с яркой улыбкой на лице выбежал Оливер, расправив руки, словно он самолет. Сделав пару кругов возле матери, мальчик запрыгнул в кузов и вытащил оставшиеся коробки. Он выглядел по-настоящему счастливым ребенком. Волнистые темные волосы развевал ветер. Ярко-голубые глаза блестели от солнечных лучей. Оставляя кратеры в лужах от подошвы ботинок, Оливер вновь забежал в подъезд.

– Добрый день, – поздоровалась Дженна, когда Джой подошла ближе. – Вы, наверное, живете здесь? Мы только приехали.

Не сказав ни слова, Джой зашла в дом. Сняв черные очки, девушка пошла по коридору к лестнице. Как она и ожидала, жилье купили или сняли. Из третьей квартиры выбежал Оливер, врезавшись в нее на полном ходу. От неожиданно-

сти Джой так сильно напряглась, что парень отлетел в сторону. Упав на колени, он скривился от боли. Посмотрев на ладони, мальчик обнаружил пару кровоточащих царапин.

Несколько ламп на потолке перегорели, поэтому часть лица Джой оставалась в тени. Черная куртка, капюшон, холодный взгляд, шрам на брови: в глазах десятилетнего Оливера она явно выглядела более чем устрашающе.

– Простите, – прошептал ребенок, поднимаясь на ноги. – Не стоило мне так выбегать из квартиры. Вы живете здесь? Мы ваши новые соседи.

Джой промолчала. Посмотрев на мальчика сверху вниз, она засунула руки в карманы и пошла дальше.

Оливер наблюдал за тем, как темный силуэт удаляется по коридору. Стройная фигура. Решимость в каждом движении. Ощущение силы. Совсем непохожа на его мать: вечно уставшая и во всем потекает Тайрону.

Кто эта безмолвная девушка со шрамом на брови?

Подбежав к лестнице, парень увидел, что она поднялась на самый верхний этаж.

– Как вы сегодня себя чувствуете?

Карина Миллер была неизменна. Та же безукоризненная опрятность во внешнем виде. Та же грация в движениях. Серый пиджак, обтягивающая юбка чуть ниже колен. Стильный маникюр и макияж. Единственное отличие заключалось в причёске: Джой впервые увидела психотерапевта с собран-

ными в хвост волосами. Видимо, даже у такого идеального существа, как доктор Миллер, бывают дни, когда можно что-то не успеть.

– Джой, вы меня слышите?

– Что именно вам рассказывал Фрэнк?

Хоть Джой совершенно не желала вести разговор с Каринной, но она понимала: отмолчаться не получится. Если она и дальше будет строить из себя каменную глыбу, это не способствует ее возвращению на работу.

– Ваш отец был немногословен.

– Конкретнее.

– Он говорил, что с самого раннего детства не уделял вам должного внимания, из-за чего вы чаще общались с бабушкой.

Вспомнив морщинистое лицо Роберта Чейза, Джой ощутила тепло в груди. Хоть старик и ворчал по поводу без, но он смог закалить характер внучки. Сделать ее сильной и смелой. Пока Фрэнк ловил преступников, а после, напивался с коллегами в баре, Роберт Чейз тренировал Джой в пропахшем потом зале, словно знал, какие испытания выпадут на ее долю.

– А Фрэнк не рассказывал, как пропал ночами. Как пил месяцами. Как сломал своей жене нос в порыве гнева? – спросила Джой.

Карина прищурилась. Впервые за все время их сеансов Джой открылась.

– А вы всегда говорите Фрэнк? Ни папа, ни отец. Почему?
Проигнорировав вопрос, Джой продолжила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.